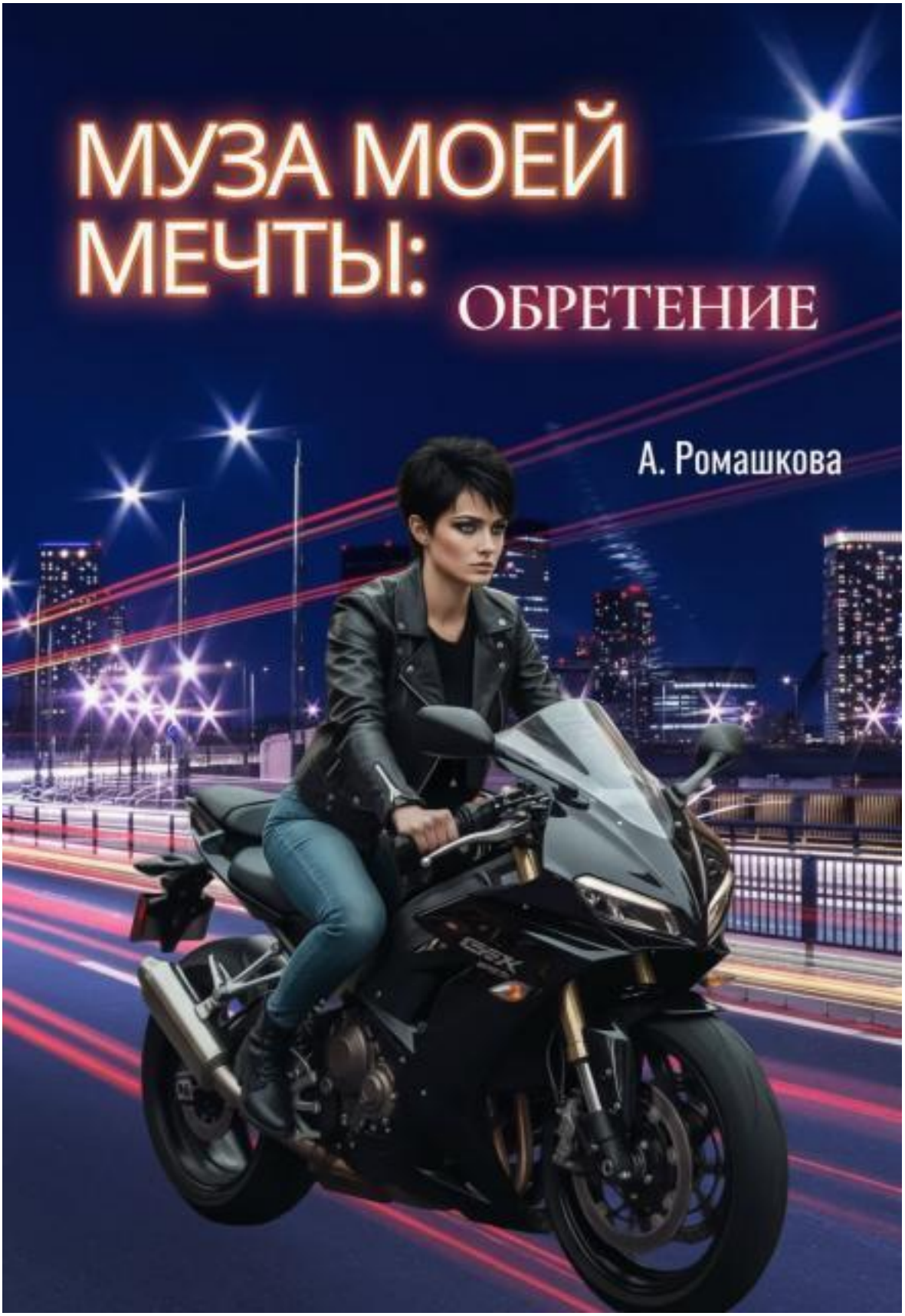

МУЗА МОЕЙ МЕЧТЫ:
ОБРЕТЕНИЕ
А. Ромашкова

Алёна Ромашкова

Муза моей мечты: обретение

«Литнет»
2025

Ромашкова А.

Муза моей мечты: обретение / А. Ромашкова — «Литнет», 2025

Гонимая страхом, что ее хотят использовать и не понимания, чего ей это будет стоить, Елена бежит от всех, с кем успела сблизиться, и в который раз начинает новую жизнь. Постепенно она постигает тайны мироздания и знакомится с собственными необычными качествами. В нежелании потерять самое ценное, Лене придется столкнуться с серьезным испытанием и выступить против мира сильнейших. Том 2. В тексте есть: современный мир и сверхлюди, неоднозначные герои, сильные мира сего, любовь. Первая часть тут

© Ромашкова А., 2025
© Литнет, 2025

Содержание

Пролог 5
1 11
2 16
3 21
4 26
5 30
6 35
7 39
8 44
9 49
10 54
11 58
Конец ознакомительного фрагмента. 59

Пролог

Уважаемые читатели! Это ВТОРОЙ ТОМ романа, продолжение истории.
Начало истории тут https://litnet.com/shrt/Ycqx
***

— Елена, нам пора на мессу! Скажи Марте собрать детей, — Маттео стоял перед зеркалом, пока его слуга, старик Себастиан, поправлял на нем камзол, счищая невидимые пылинки с дорогого бархата.

Мужчина нервничал, так как в церкви должен быть сам дон Наварро, с которым могла получиться неплохая сделка. Дон производил лучшую бумагу в Кастилии, а Маттео планировал выпуск особой серии богословской литературы, которую не стыдно будет продавать самому Его величеству Карлу. Книготорговля шла очень хорошо, что обеспечивало мужчине и его семье достойную жизнь в самом сердце столицы. Акцент в своем деле Маттео Лопес делал на религиозные трактаты, так как богословские вопросы как никогда тревожили бывшего монаха, а ныне крупнейшего владельца книгопечатного дела в Толедо, а то и самой Кастилии.

Глядя на свое отражение, Маттео потрогал мощное золотое распятие на груди. С каждым годом светской жизни религиозные атрибуты в его облике становились все более заметными и дорогими, крича о силе веры мужчины. В то время как на самом деле Маттео Лопес все никак не мог разобраться со своим отношением к Богу. Мужчина был еще относительно молод: недавно он пышно отпраздновал тридцать пятый день рождения, но уже сейчас задумывался о бессмертии души. Он боялся, что своим неискупимым грехом обрек себя после смерти на вечные адовы муки.

Маттео старался не показывать своих страхов: Елена злилась, когда он говорил о Боге, рае или аде. Для нее всего этого не существовало, а вот у ее супруга четкой позиции в этом отношении не было: он верил в реальность Господа, да только сомневался в его милосердии. Страх и неуверенность подтачивали мужчину изнутри, нарушая гармонию его сытой и богатой жизни.

Елена Лопес, жена Маттео, обещала ему очень долгую и успешную жизнь в радости и довольствии. Единственное, о чем просила эта великолепная женщина взамен, это любить ее всю и без остатка, не тратя время на бессмысленные чувства к несуществующему Христу. Когда Маттео заводил разговор о смерти, она отмахивалась, говоря, что думать об этом рано, а истина бытия проста: все тела гниют на радость природе, а души попадают в одно и то же место за гранью этого мира, после чего идут на перерождение. Женщина настаивала: земная жизнь достойна того, чтобы прожить ее в спокойствии.

Слова Елены по началу утешали и вдохновляли. Однако на каком-то этапе верить своей жене безусловно мужчина перестал. Когда Маттео только встретил свою “фею”, ему казалось правильным все, что она говорила, но спустя пятнадцать лет Елена Лопес потеряла магический флер, превратившись для мужчины просто в женщину – супругу и мать его детей.

— Любимый! Сколько раз тебе говорить: эти твои мрачные мессы — дурь какая-то. Нашим детям они не нравятся, — одетая в легкое нежно-розовое платье, в комнату вошла Елена. Она отослала слугу и подошла к мужу, встав за его спиной. Белокурые волосы были уложены в красивую прическу, на шее был повязан кокетливый шарф, при этом на женщине не было ни одного украшения — сколько бы Матео ни упрашивал ее надевать на себя золото для демонстрации статуса, она отказывалась. Елена предпочитала вплетать в волосы живые цветы, а ожерелий, колец и прочих богатств не признавала.

— Любовь моя, это не дурь! В храме на мессе будут все почтенные люди Толедо. Мне нужно как-то вести дела. Кому я буду продавать свои книги, если меня признают безбожником? Буду хуже самого последнего мавра или иудея. В нашем мире только христиане признаются

честными и достойными всех благ. Повторить судьбу своей матери и гореть на костре я не желаю!

— Ну хорошо-хорошо, если это только для дела, то так и быть! — Елена наклонилась к уху Маттео и провела по нему кончиком острого языка, в то время как рука потянулась к паху мужчины. В штанах у Маттео мгновенно стало тесно, а сердце ускорило свой бег в груди. — Позволь сделать тебе приятно? Мне просто без-бож-но хочется твою плоть в себе. Хотя бы на язык…

В зеркале отразилось вспыхнувшее алым цветом лицо мужчины — он не умел противостоять своей жене, особенно в моменты, когда она его соблазняла. Елена обошла Маттео и встала к нему лицом, после чего медленно опустилась на колени. Мужчина наблюдал, как она развязывает пояс его брюк и вытаскивает на волю восставший орган — эта картинка возбуждала едва ли не сильнее, чем последовавшее ощущение языка на головке члена.

Маттео Лопес очень хорошо помнил свой первый с Еленой раз. Он случился возле недостроенного аббатства Святой девы Марии. Пятнадцать лет назад, сидя на камне в центре поляны, Елена развязала шнуровку своего платья, обнажила грудь и легла на камень спиной, приглашая парня подойти. Это был самый сложный выбор, который когда-либо приходилось делать монаху. Он пытался воскресить в памяти слова брата Антонио о том, что это проверка веры, что именно в этот момент творится правда, что нужно быть безмерно благодарным Всевышнему за такое испытание. В памяти всплыл наказ монашеского устава о том, что в минуты сомнений и искуса следует молиться, молиться и еще раз молиться, игнорируя плотские желания.

Маттео пытался. Монах множество раз открывал рот в попытке обратиться к Богу, однако не мог произнести ни звука, в то время как ноги шаг за шагом вели его к полуобнаженной нимфе, возлежащей на валуне.

Приблизившись к камню вплотную, Маттео протянул руку и дотронулся до кожи женской груди, пальцы сами порхнули к ее соскам — острым как иголки. Ощущение женских мурашек под его ладонью наполнило нутро мужчины настоящим восторгом, который перешел в благоговение — это было в разы сильнее его возвышенных чувств после всенощной.

— Возьми меня, Маттео. Я люблю тебя и ты полюбишь меня. Твоя мать перед смертью попросила у Природы счастья своему сыну, она отдала всю себя для этого. Такая жертва! И вот я пришла. Ее желание будет исполнено.

Монах ошалело наблюдал, как, приподнявшись на своем ложе, прекрасная дева оголяет колени, затем задирает юбку выше, открывая бедра и само женское естество, бесстыдно выставляя его на показ. Она вытянула обнаженную ногу и пальцем ступни провела от груди до паха мужчины, скользя по грубой ткани монашеской рясы. Затем Елена подцепила и приподняла подол облачения мужчины, призывая монаха начать любовную игру.

Внутренняя борьба причиняла почти осязаемую боль молодому мужчине, и надо отдать ему должное, он продержался довольно долго. И все же Елена победила христианского Бога: Маттео не выдержал и набросился на девушку бешеным зверем, сминая до синяков ее плоть, целуя и прижимая к себе. В секунду, когда член юноши вошел в женское лоно, Елена застонала и произнесла: “Воля Лауры исполнена, да не пропадет втуне ее жертва! Ее кровь в обмен на кровь Сотар!”

Акт совокупления был невероятно короток. Монах слишком долго воздерживался, чтобы стать на этом этапе хорошим любовником. Уже через пару минут он с рычание излился внутрь Елены и откинулся на спину рядом с ней. Парень и девушка так и остались лежать на камне. Монах не знал, что валун тот являлся алтарем: когда капли девственной крови Елены упали на его поверхность, камень впитал их, после чего ярко вспыхнул на миг. Маттео не увидел этого, ведь он пребывал в состоянии эйфории и одновременно мучился невиданными доселе

угрызениями совести. А меж тем волшебство вновь заснуло, оставляя юным любовникам лишь ночной стрекот сверчков и сияние звезд.

Через месяц Елена и Маттео вошли в Толедо. Парню невероятно везло. Он быстро нашел работу в одной из типографий, и уж через год накопил золото на свою собственную. И вот спустя пятнадцать лет семья Лопес слыла весьма зажиточной и удачливой.

О них ходили всякие слухи. Например, что Елена — поклонница дьявола и именно поэтому ее мужу так несказанно потворствует удача. Кто-то рассказывал, что видел ее на реке обнаженную, танцующую дикий языческий танец, кто-то был уверен, что под платьем она носит хвост.

О чем только не судачили! Но все это не мешало чете жить в любви и богатстве, да ещё и завести детей: первенцем стал мальчик — Лучиано, а затем на свет появилась дочь — Мария.

Если не принимать во внимание периодические панические настроения самого Маттео, жизнь этой семьи текла своим чередом. Ни дети, ни сами супруги никогда не болели, юное лицо Елены так и осталось нетронутым временем: оно не приобрело ни одной даже самой тонкой морщинки. Маттео заматерел, отрастил бороду и мясо на костях, став на вид настоящим идальго. Впрочем, к дворянству он не стремился, его вполне устраивала роль удачливого дельца.

Все поменялось для семьи Лопес после появления в их доме сеньоры Хуаны Кастро.

Когда Лучиано было уже тринадцать лет, а Марии — девять, Елена вновь понесла. Третья беременность давалась ей очень тяжело.

— Этот ребенок ест меня изнутри, — стенала женщина, что для нее, всегда очень бодрой и жизнерадостной, было нехарактерно. — А еще мне сон дурной был!

Маттео старался быть внимательным к своей жене в такие моменты: он не уставал обнимать Елену и обещать, что все будет хорошо. Сеньор Лопес утешал жену, что беременность протекает нормально, просто на этот раз у них родится очень активный ребенок. Однако его и самого грызли разные мысли: например о том, что Бог наконец-то решил его покарать, и состояние Елены тому свидетельство.

По утрам Елена мучилась тошнотой, днем она спала. Маттео был рад, что жена толком не показывается ему на глаза, оставаясь в своей комнате, — не привык он видеть ее в унынии. Состояние Елены тревожило. Именно жена всегда была источником его силы и уверенности, а тут приходилось вдохновлять себя самостоятельно. А еще Елена совсем забросила хозяйство: у нее не было на это сил, а потому чета решила принять на работу экономку.

Хуана была вдовой. Как она попала в их дом, Маттео так и не понял толком: кто-то предложил, кто-то рекомендовал, и вот сеньора Кастро явилась на порог дома семьи Лопес. Она была согласна на все их условия и даже на то, что работа может оказаться временной: Елена твердила, что как только придет в себя, сможет вести домашние дела сама. Со стороны сеньоры Кастро прозвучало только одно условие: у нее была дочь, и она просила дать той возможность жить в доме Лопес — в крыле слуг, разумеется. Маттео был не против, Елене — безразлично. На том и порешили.

Первые месяцы все были очень довольны. Елена много отдыхала, гуляла, хотя чаще всего не выходила за пределы их патио. И все же чуть позже она опять почувствовала себя плохо и обратилась к Маттео с просьбой купить ей виллу где-нибудь в предместье Толедо, а лучше в деревне: женщина твердила, что устала в городе, что жадная беременность требует земли, деревьев, луговых трав — природы, одним словом.

Покупать виллу Маттео не стал — слишком расточительно, но арендовал прекрасный дом в очень живописной местности в пригороде. Ввиду необходимости вести дела с женой он поехать не смог, но пообещал навещать ее почаще. Дети тоже предпочли остаться в городе: Лучиано ходил в школу, а Мария посещала уроки игры на виуэлле.

После отъезда Елены у дома словно вырвали сердце: стены источали мрачность, дети стали тихими и замкнутыми, а слуги и вовсе казались Маттео врагами. Дела не отпускали мужчину к супруге, а потому он все чаще впадал в тоску, находя утешение в алкоголе. Сидя вечерами в своем кабинете, он пил вино, смотрел на огонь в камине и боялся. Боялся, что будет гореть в геенне огненной за то, что бросил монашество. Боялся, что перед этим к ним в дом явится инквизиция, обвинит в ереси и кинет его в костер.

Сколько бы Маттео ни пил, вино не снимало страх, а лишь усиливало. На столе в кабинете лежала стопка катехизисов, которые его мастерские печатали под особый заказ. Чего стоил только роскошный переплет с позолотой: на него пошли самые дорогие и стойкие краски, а изготовил его самый лучший мастер-переплетчик. Вся эта позолота мерцала в свете камина, а десятки тисненных на ней крестов шептали бывшему монаху: “Кайся, грешник, кайся! Только полное искупление!”

Обычно такие вечера заканчивались беспамятством. Слуги находили Маттео на полу возле камина и тащили в кровать. Но однажды, спустя два месяца после отъезда Елены, за которые он смог навестить супругу всего раз, в кабинет к пьющему мужчине пришла Хуана.

— Сеньор Лопес! Позволите ли посоветовать вам не пить так много! Мой муж… мой покойный муж умер из-за таких вот чрезмерных возлияний, — сказала женщина.

Маттео оторвал взор от созерцания огня в камине и посмотрел на экономку. Казалось, он впервые по-настоящему увидел эту женщину. Все годы супружества его не интересовала ни одна сеньора, даже самая красавица: все они казались пресными по сравнению с наполненной жизнью и страстью Еленой. Однако сегодня все было иначе. Мужчина с удивлением понял, что Хуана еще молода и привлекательна, просто унылое платье и зачесанные волосы делали ее безликой. Маттео вдруг почуял к сеньоре Кастро влечение: мужские инстинкты сыграли с ним злую шутку.

— У тебя ведь дочь, правильно? — спросил хозяин дома.

— Да, сеньор, ей девять лет, — ответила экономка. Если она и удивилась вопросу, то виду не подала.

— И ты хочешь, чтобы с ней занимались хорошие учителя? Такие же, как и с моей любимой Марией? — спросил Маттео, с прищуром следя за бесстрастным лицом экономки.

— Что… что вы хотите? — дрогнувшим голосом спросила женщина.

Вместо ответа Маттео расставил ноги и откинулся в кресле, положив руку на свой пах. Замешательство Хуаны было не слишком долгим. Она была вдовой, а потому ложную скромность откинула почти сразу. Подойдя к мужчине, она опустилась у него между ног и принялась за дело.

С этих пор сеньора Кастро стала приходить к Маттео каждый вечер. Обычно он брал ее один раз и отпускал, но бывало, что оставлял у себя на ночь. Если мужчину и мучила совесть, он глушил ее вином, отказываясь признавать даже перед самим собой, что изменяет Елене. Получив в свои руки услужливую Хуану, Маттео твердил себе, что по божьим законам он, собственно, и не женат вовсе: Елена категорически отказалась идти в католический храм ради венчания, заявив, что на том камне они с Маттео уже совершили брачный обряд. Да и вообще, соитие с Хуаной было для хозяина дома сродни работе на печатном станке: эффективно, но бездушно. Это и на одну тысячную не приближало его к тем райским вратам, куда доводила любовь Елены. А раз так, это и не измена вовсе.

Время шло и Хуана постепенно превратилась в надоевшую рутину. Она позволяла делать с собой все, что угодно, но сама была холодна. Чувствуя вседозволенность и пресную скуку, мужчина становился все более изощренным в любовных играх, а его близость с экономкой — все более грязной. Она дарила удовольствие, но лишь на краткий миг, с каждым днем все больше пресыщая мужчину. В какой-то момент Маттео вдруг устал от своей развратной жизни, заскучал по жене и собрался ее, наконец, навестить. Однако не успел. Елена приехала сама.

Поздно вечером к особняку подъехала карета, из которой вышла очень беременная женщина: седьмой месяц был заметен даже под плащом, в который она куталась. Тяжело ступая, Елена поднялась в дом. Первое время пребывания на вилле вдали от семьи ей казалось, что она нашла свое умиротворение, но затем спокойствие ее покинуло, и начали мучить страшные сны. Один из них уж очень сильно растревожил душу женщины, потому она решила навестить мужа.

Ведомая интуицией, Елена пошла в спальню. Их общую с Маттео. Муж писал, что спит на диване в кабинете, так как чувствует себя одиноко в их постели, но Елена упрямо шла именно в их совместную опочивальню. Распахнув дверь, женщина почти не удивилась, увидев сидящую на ее супруге и двигающуюся в старом как мир танце обнаженную экономку. Хуана была прекрасна. Елена смотрела на распущенные русые волосы, нежный изгиб спины, плоский живот — словно не рожавшая женщина, а совсем еще девушка прыгала на члене ее мужа.

— Я ведь не просила многого! — спокойно сказала Елена, всполошив любовников. Хуана в испуге откатилась в угол, а Маттео вскочил на колени посередине их семейного ложа и, запустив пальцы рук в свои волосы, в отчаянии подбирал слова оправдания

Елена не кричала, не плакала. Она стояла и, наклонив голову к левому плечу, рассматривала своего мужа так, словно видела впервые.

— Любимая, это ничего не значит, совсем ничего! — умоляюще произнес он, но было поздно.

То, что увидели после Хуана и Маттео не каждому дано узреть. Нежное бледное личико Елены сползло словно маска, открыв оливковую кожу и раскосые янтарные глаза. Нежные белокурые локоны зазмеились темными упругими кудрями. Елена вытянулась в росте и засветилась золотом, превратившись в нечто неземное, пугающее и прекрасное одновременно. Единственное, что выпадало из ее тонкого облика, это выпирающий круглый живот. В какой-то момент новая Елена глянула вниз и, увидев свою беременность, удивленно положила руки на пупок. В это же мгновение из женщины хлынула кровь, побежав яростным водопадом между ног. Хуана завизжала, Маттео побледнел, а Елену согнуло пополам. С натужным мычанием она дожидалась конца преждевременных родов. Через несколько ударов сердца все закончилось, ребенка она скинула: вместе с потоком алой крови на пол упал недоношенный младенец. Девочка. Маленькая и мертвая. От ее тельца отлетело золотое облачко, которое приняло форму птички. Прозрачная пичуга сделала круг по комнате и растворилась в воздухе.

— Лети, доченька, тебе не стоит рождаться в этой семье! А ты, мать-природа, забери плоть дитя моего как жертву! — вдруг закричала Елена. Она полностью пришла в себя и теперь стояла, раскачиваясь из стороны в сторону. — Прими мое горе как дар. Дар обманутой Сотар!

После этих слов женщина подняла руку и направила ее на мужа. Золотые снопы искр, пульсируя, вырывались из ее ладони и бросались к Маттео. Искорки, касаясь его кожи, превращались в огоньки. Мужчина кричал, метался, но ничего не мог поделать: с каждой секундой этих огней становилось все больше, они жгли его кожу, причиняя немыслимые страдания.

Несколько минут потребовалось Елене, чтобы убить своего собственного мужа. Склонившись над ним, она увидела в его темных, нетронутых огнем волосах первую седую прядь. Маттео затих, а она перевела глаза на Хуану.

— Пожалуйста, не надо. Прости меня! Он сказал, что даст моей Пауле образование, я…

— Тебе будет легче! Сотар не мучает женщин! — только и сказала Елена, а затем подняла руку, и, не подходя к экономке ни на шаг, остановила ей сердце.

Приблизившись к кровати, она посмотрела на двух мертвецов и покачала головой.

— Сотар дарит любовь только один раз. А мстит бесконечно.

Отвернувшись, Елена пошла в детскую. За время ее отсутствия Лучиано, Мария и Паула сдружились и часто просились ночевать в одной комнате. Позволить взрослому парню и двум

девочкам спать вместе было недопустимо, но скрепя сердце, Маттео разрешил это всего один раз — в ту роковую ночь.

Елена смотрела на трех спящих детей. Уже подростки, но еще не взрослые. Женщина обожала своих малышей. А в данный момент она любила даже эту чужую девочку — дочь соблазнительницы ее мужа. Вся ненависть к Маттео переросла в щемящую тоску по материнскому счастью, но остаться с сыном и дочерью Елена не могла. Ее предали — ей нужно было уходить. Возможно, когда-нибудь она почувствует настоящую любовь. Возможно, однажды она заглянет в этот мир, чтобы навестить детей своих детей… но для этого…

Елена подошла к первой кроватке, на которой спала Паула.

— Кровавая жертва Сотар позволяет мне это. Будешь ты и множество твоих потомков сонарами, дитя мое. Поступок твоей матери сделал за меня этот выбор. Сонара сможет зажигать жгучую похоть без права на любовь. Коль сможет она переступить черту плотского влечения и привлечь к себе настоящую любовь, Сотар проснется.

В воздухе появился светящийся символ трилистника, который приблизился к девочке и впитался в ее кожу в районе щиколотки, оставшись на ней небольшой родинкой.

Затем Елена подошла к Лучиано.

— Кровавая жертва Сотар позволяет мне это. Будешь ты кир-асайя, мой мальчик. Защищать слабых женщин, и в первую очередь свою родную сестру. Ты — сын предателя и должен искупить. Если растопит лед в твоем сердце хоть одна женщина, если доберется одна до самой твоей сути, откроются врата этого мира для меня.

Елена вновь нарисовала в воздухе символ: круг, внутри которого была помещена руна “зима”. Он впитался в районе плеча Лучиано, оставшись рисунком на коже.

И в последнюю очередь Елена склонилась над своей белокурой копией — Марией.

— Кровавая жертва Сотар позволяет мне это. Будешь ты асайя. Удачу приносящая. Как твоя мать. И если найдешь ты мужа, который в отличие от моего, не поддастся на искус и не ляжет с другой очень желанной женщиной, тогда приду я к вам, мои дети, когда бы и где бы вы ни жили.

Засветившийся символ четырехлистного клевера угнездился на оголенном в беспокойном сне девичьем бедре.

— Если позволит мать-природа, я приду и выполню желание каждого из вас… А теперь прощайте…

Елена исчезла словно и не было ее никогда, и в доме наступила тишина.

На рассвете Лучиано проснулся первым. Открыв глаза, он сразу понял, что что-то не так. В доме было шумно: слышался плач и вопли — женские и мужские. Разбудив девочек, он предложил сходить проверить, в чем дело. Трое взволнованных детей прошествовали в спальню к родителям, где уже собралась вся челядь. Их не пускали, но Лучиано успел заглянуть в комнату и увидеть ужасную картину. Что ранило его более всего: обожженная кожа мертвого отца или экономка, уснувшая на вечность с ним рядом, он так и не понял, но холодная льдинка успела коснуться сердца мальчика, застыв там вечной занозой и оберегом от любви.

Дети вернулись в свою спальню и понуро сидели, ожидая, что же будет дальше. Слуги обнаружили карету сеньоры Лопес возле парадного входа, но саму женщину никто так и не нашел. Кучер подтвердил, что привез хозяйку домой.

По городу пошли слухи о дьявольщине, дом Лопес обходили стороной. Детей решено было отправить в церковный приют от греха подальше. Лучиано, Мария и Паула так бы никогда и не узнали, что случилось с их родителями, если бы во время сборов Мария не обнаружила у себя в сундуке необычную книгу. С виду похожую на те, что печатали мастерские их отца. Написана она была рукой их матери и называлась “Дети Сотар”. Изящный почерк Елены Лопес поведал детям печальную историю великой любви и великого разочарования воплощенной женщины-мечты…

1

— Елочка, как ты себя чувствуешь? — Олег подошел и присел на корточки возле моих ног. Я расположилась на диване, листая в планшете интернет-страницы магазинов, где продавались разные штуковины для новорожденных.

— Большой. Я чувствую себя большой, — раздраженно ответила, а мужчина положил свои руки на мой внушительный живот. Почувствовав легкий толчок, он наклонился и поцеловал это место.

— Ты вовсе не большая, ты прекрасна, любимая. И моя девочка в тебе прекрасна. Вы обе — мое сокровище, — Олег смотрел на меня пожирающим взглядом. — Ты моя самая большая удача! Скоро, очень скоро у меня все получится!

— О чем ты? Что получится? — спросила я, не особо интересуясь ответом. Беременность сделала меня рассеянной и вечно уставшей. Осталось носить не более двух недель, а я уже хотела, чтобы это поскорее случилось. Роды — я боялась до чертиков и одновременно ожидала их с нетерпением.

Олег не ответил, а я вдруг почувствовала влагу между ног. Посмотрев вниз, поняла что мое желание вот-вот осуществится: воды отошли, я начинаю рожать.

— Скорую, вызывай скорую! — застонала я в ужасе, но Олег остался рядом. Он поглаживал живот и приговаривал:

— Зачем нам скорая, разве я не смогу принять свою девочку сам?

Я ошалело смотрела на него, начиная чувствовать то, что вполне можно было отнести к схваткам. Это точно были они: редкие спазмы внизу живота, которые рикошетили в район поясницы. Пока не больно, но уже неприятно.

— Сдурел? Скорую вызови!

— Тогда они заберут мою девочку, а мне она очень нужна.

Было непонятно, о ком он говорит — обо мне или нашей дочери, но тревога щелкнула хлыстом, расколов кокон спокойствия и безмятежности, в котором я пребывала всю беременность. Я завертелась в поисках сотового, а Олег увидел его первым, дотянулся и отбросил куда-то мне за спину.

— Успокойся, я сказал! — нежность ушла из взгляда, на ее место пришла сталь. — Все будет хорошо.

Мужчина опять положил руки мне на живот, но в этот раз совсем не нежно: найдя какое-то нужно ему место, он начал давить. Я закричала от боли и шока. Не понимала, что происходит, и пыталась оттолкнуть его ногой. Однако ни сил, ни ловкости для этого не хватало. Схватки резко стали нестерпимыми, меня буквально разрывало на части. Олег толкнул меня на диван, заставив тем самым лечь на спину. Его руки задрали платье и потянулись к моей промежности, ожидая появления дитя.

— Олег! Что происходит, зачем ты так? Мне больно, мне нужен врач… Наш ребенок… — словно жук, пытающийся перевернуться со спины на свои шесть лап, я тщетно вертелась, но меня удерживала сильная мужская рука. Корчась от участившихся схваток, я все еще пыталась разговаривать с мужчиной, призывая его к здравому смыслу и милосердию, но тот словно не слышал. В эти мгновения Сотников выглядел почти безумным.

— Наш ребенок должен спасти мою девочку, мою больную крошку. Так что успокойся и дай нам это…

— Вам?

— Нам! — в комнату вдруг вошел еще кто-то, я повернула голову и увидела ухмыляющегося Зарецкого и Вернель, пребывающую в своем вечном пофигистично-замороженном состоянии.

— Зачем?.. Зачем они здесь? — я кричала и задыхалась, не имея возможность сопротивляться. Через долгие секунды немыслимых мук я увидела, как просветлело лицо Зарецкого, который наблюдал за действиями Сотникова, ковыряющегося между моими ногами. Даже Тина немного ожила.

— Наконец-то! — своим томно-завораживающим голосом пропела она. Зарецкий тем временем приблизился и протянул руки. Не веря своим глазам, я наблюдала, как Олег передает ему какой-то сверток, а потом этот сверток вдруг зашевелился, заставив мое сердце пропустить удар. Доченька! У меня родилась дочь! Словно сквозь завесу тумана я с трудом разглядела маленького синюшного младенца, которого Артем аккуратно прижал к груди, после чего повернулся ко мне спиной и понес к выходу. Меня парализовало от ужаса, но я нашла в себе силы закричать, требуя вернуть ребенка. Младенец на руках у Зарецкого вторил мне отчаянным воплем.

— Отдайте! Что?.. Что происходит? — сипела я, тщетно пытаясь встать с дивана. Олег прижал меня рукой и следил за тем, как Артем и Тина выходили из комнаты, унося с собой мою девочку.

— Почему вы забираете ее? Верни мою дочь! Пожалуйста! — тихо плакала я. Олег вздохнул, повернул ко мне голову и погладил по голове.

— Теперь все будет хорошо, все будет хорошо… — повторял мужчина, но я не верила этому. Глядя в плывущие и заострившиеся черты лица, в голубые глаза, покрывающиеся мутной пленкой, я понимала, что в мой мир пришел очередной монстр и в этот раз это даже не метафора. Больше ничего не будет хорошо….

Собрав все оставшиеся в теле силы, я завопила от горя и отчаяния. А потом проснулась.

Задыхаясь и вспоминая, где нахожусь, я пыталась унять сердцебиение и привести мысли в порядок. Реальность накатывала волнами. Это квартира Кристины. Они вместе с ее другом Мишей приютили меня. Моя жизнь в очередной раз преподнесла сюрприз. Все плохо. Все очень-очень плохо…

***

В тот день, когда я сбежала из клуба и встретилась с Михаилом, — высоким и здоровым как медведь парнем с флегматичным лицом уставшего от жизни циника — я еще не осознала до конца, куда меня привело мое расследование. Я просто последовала за парнем, и это казалась хоть сколько-нибудь понятным в текущем хаосе и сумбуре. Миша привез меня в мое новое убежище: небольшую двушку на окраине города в тихом спальном районе. Доставил он меня туда весьма необычно: вручив мне куртку, что было весьма кстати, и мотошлем, он усадил меня на свой байк. Я летела по утреннему зимнему городу, крепко обнимая за талию незнакомого мужчину, и задавала себе только один вопрос: это все действительно происходит? Почему-то именно поездка на мотоцикле помогла мне осознать, что жизнь меняется. И в этот раз кардинально.

Дверь нам открыла девушка в инвалидной коляске. Мелькнула мысль, что в моей истории не будет ни одного среднестатистического человека — только ущербные, странные, покалеченные, вконец долбанутые или и вовсе мутанты. А еще миллионеры: мульти- и не очень.

— Привет! Я — друг! Меня зовут Кристина. Заходи и ничего не бойся, — сказала она. Я зависла на мгновение, глядя на нее и думая, как представиться и что сказать. Короткий ежик темно-русых волос, зеленые глаза и лицо исколотое пирсингом — она была похожа на подростка, если бы не взрослый, почти старушечий взгляд.

— Привет! Я… вот! — все, что смогла вытащить из своего горла.

Потом мы прошли внутрь — точнее, Кристина проехала в своем кресле, а я плелась за ней, ощущая, словно захожу в пещеру, из которой своими силами мне уже будет не выбраться. Мы расположились в комнате, напоминающей кабину управления звездолетом из фантастических фильмов, заваленной компьютерными комплектующими и миллионом каких-то непо-

нятных штуковин. Девушка начала без предисловий и расшаркивания: вытащила фотографии всего, что было в сейфе — она вывела все отосланные мною изображения на печать — и разложила веером на небольшом столе передо мной, откуда предварительно смахнула на пол кучу какого-то хлама.

Миша ворчливо начал собирать раскиданное, а я взяла в руки изображения и пролистала, вытащив то, что шокировало меня этой ночью в первую очередь: мою собственную фотографию. Кто-то запечатлел меня на одном из приемов, куда мы ходили с Ройсом незадолго до моего отъезда в Пекин. Муж в кадр не попал, так как камера взяла меня крупным планом. Само по себе фото всего лишь удивляло, но явно не выбивало из колеи. Пугала надпись с обратной стороны. Ее я тоже сфотографировала: “Асайя. 23 года. Второй взрослый цикл. Рекомендован длительный негативный период”.

Что это? О чем это?

Последующие часы мы с Кристиной обсуждали увиденное. Точнее, девушка размышляла вслух, Миша, наведя какой-никакой порядок, покинул нас и возился на кухне, готовя завтрак, а я сидела и пыталась вникать. В голове был гул, мысли путались — мозг выдавал защитную реакцию, стремясь укрыться от атакующей реальности. Ситуацию ухудшало мое суперзрение. Мы находились в комнате хозяйки, я умостилась на стуле в углу и время от времени бросала взгляд на зеркальную дверцу ее платяного шкафа, теряя нить беседы. Мой против воли по особому фокусировавшийся взгляд видел уставшую, взлохмаченную меня в ореоле из тусклого, вязкого нечто, что недавно показалось мне золотой сверкающей аурой, а сейчас представлялось куском старого пластилина, смешанного из нескольких цветов и превратившегося в безликую грустную массу.

Вместо того, чтобы поддерживать рассуждения Кристины, я пыталась разгадать тайну моего “мутантского” кокона. Интуитивно я понимала, что его яркость и насыщенность зависит от настроения. Может, я цвету и пахну, только когда меня трахают? *Интересно, это связано с самим действием или с тем, кто это делает?*Цинично-грубая мысль заставила ухмыльнуться. Это привлекло внимание моей собеседницы. Она наконец-то сообразила, что я покинула землю и нахожусь в прострации. Подъехав ко мне поближе, девушка спросила, глядя в глаза:

— Лена! Ты же мне не все рассказала, да? Мне нужно сопоставить все факты, хорошенько проанализировать. Есть еще что-то, чего я не знаю? Говори! Все, что тут написано, это про тебя? Ты — асайя? Что ты об этом знаешь?

Я ответила не сразу. У меня тоже были к хакерше вопросы, и я не преминула задать первый.

— Ты знала, что я… другая? Ты постоянно намекала, что все это касается меня. Ты знала, что я мутант?

— Мутант? Прости, но я не догоняю. Я не знала, кто ты и какую роль играешь. Я наблюдала, как могла, за Киреевым, благодаря чему мне удалось посмотреть продажу девушек — взломала камеры одного из отелей в Дубаи. Я увидела какую-то немыслимую дрянь. Обнаженка и унижение — ерунда, но все эти искры и свечение... Я охренела, само собой. Видео записать не получилось, поэтому позже мне начало казаться, что это были глюки. Пока я не перехватила одно из сообщений Киреева какому-то шейху. Там было написано буквально следующее: “Мне не нужна невинная. Моя магия требует опытную”. Магия, сечешь? Они волшебники!

— Ты поверила в магию? Серьёзно?

— То, что я видела на видео, не было спецэффектом. Я много раз все это обдумывала позже… и не решила для себя, как к этому относиться. Однако я понимала: что-то происходит. Что-то необычное — я это видела своими глазами. Искала доказательства своих предположений, но после этого Киреев пропал с радаров, и я переключилась на Сотникова. Начали за ним следить…

— Что значит — следить? Как ты это делала?

— Доступ к камерам, некоторым счетам, полицейским отчетам. Я очень талантлива, знаешь ли. Ну и у меня есть Миша. А у него мотоцикл, — пожала плечами Кристина. — Когда я узнала, что миллионер Сотников работает водителем, я просила следить за ним вживую. Вот скажи, за каким хреном ему так изголяться было? Он уволился в тот же день, когда Ройс тебя выкинул. А следили за тобой к тому времени уже больше месяца. Слежку вел доверенное лицо Сотникова — Артем Зарецкий. Я покопалась и в его документах. Там все очень странно. Он появился из ниоткуда с момента службы в армии. До этого — ни школы, ни сада, ни роддома, ничего. Я проверила его документы, и они не соответствуют действительности. Липа, но официальная. Не подделка, а корректировка. Служил он вместе с Сотниковым — это правда, там они сдружились. Ну вот, собственно, и все. В сухом остатке: торговля женщинами, исчезновение Насти, возня вокруг тебя, мутный челик Зарецкий, миллионер на службе у миллионера... Это все часть одной цепи событий, я это чувствую, — посмотрев на мое скептическое лицо, Кристина добавила после паузы:

— Ну хорошо, если не цепи событий, то, по крайне мере, это происходит явно в одной плоскости, ведь творят все это одни и те же люди. Но что там происходит, и причем тут магия, не знаю.

Кристина замолчала, размышляя о чем-то своем. Я с минуту смотрела на нее, а потом решилась. Я рассказала ей подробно про аукцион, каталог, сверхскорость Артема, про ауры — как я их вижу, про родимые пятна, татуировки. С каждым словом я чувствовала себя немного легче, словно освобождалась от ноши, которую теперь имела возможность делить на двоих — мне было муторно и тяжко это держать в себе. Самое главное, что приносило облегчение: Кристина верила. Чертыхалась, психовала, но верила. Она была готова к чему-то эдакому и не пыталась спорить, опровергать и обвинять меня в сумасшествии. И это помогало дышать легче, а заодно ещё раз прожить и проанализировать ситуацию.

— Блин, ну это жесть… Так, но у Насти не было никаких родимых пятен. Значит, ее могли и не продавать, правильно же? — похоже ничего и никто кроме сестры хакершу не волновал.

— Откуда ты вообще узнала про это все? Кто ты? — продолжала я свой допрос.

— Это долгая история. Если покороче — я когда-то работала на Сотникова. В основном на дистанте но и офис его посещала периодически — мы разрабатывали самый разный софт. Это было до того, как он ушел в Сотар. Кстати, тогда он казался классным челом. Семья и работа: умел совмещать. Потом случилась вся эта история со смертью его отца и брата, потом — жена. В итоге он слил свою компанию в Сотар и сократил большую часть работников, включая меня. Мы с Настей в то время остались без денег. Воровать она мне запрещала — я поклялась, что не возьму чужого, хотя могла закрыть пару-тройку счетов… Так, о чем это я? А! Через старых знакомых я узнала, что в “Музу ночи” ищут официантов на очень приличные деньги и поделилась с сеструхой. Она попробовала, но ее не взяли. А чуть позже ей все же повезло, и она устроилась в хороший ресторан — там платили почти столько же, сколько в вашей богадельне, да и на чай накидывали щедро: Настена очень милая, но, порой, туповата. Весь острый ум и критическое мышление достались мне. Но и у меня бывают сбои. М-да... Так вот. Я тогда была на мели: неудачно вложилась, поэтому мы жили на заработок сестры. И вот однажды Настя просто исчезла. Я начала расследование. И нашла интересную запись: в день исчезновения в ресторане она подавала еду Сотникову и Кирееву. Не спрашивай, что эти сильные мира сего делали там, но это одно из самых пафосных заведений города, так что… А Настя… она случайно облила Сотникова водой. Я смотрела эту запись сто раз: Сотников был спокоен, но Киреев... Я клянусь, его глаза зажглись потусторонним огнем — он был в ярости. Эта запись стала последним полноценным свидетельством того, что моя сестра существовала. Это было чуть меньше года назад.

— Но все же, с чего ты решила, что они причастны…

Кристина вздохнула, а потом подкатила к столу и включила ноутбук.

— Есть еще кое-что. Смотри!

На видео была ночь, асфальт и ничего.

— Что это? — спросила я.

— Это территория за тем самым рестораном. Через полчаса после инцидента внутри. Там черный вход. Один из. Я нашла это. Смотри!

Около минуты картинка не менялась. Потом в обзор попали двое мужчин. Они вышли из-под камеры: похоже, она висела над входом. Вглядевшись, я увидела, что это Сотников и Киреев. Олега узнала почти сразу, отреагировав дикой тахикардией и спутавшимися мыслями — слишком больно, слишком тяжело. На видео он был немного другой: совершенно седой и какой-то поникший. Я наблюдала, как экс-Кирилл Брин вытащил пачку сигарет и прикурил. Киреев стоял рядом и что-то говорил, а потом они одновременно обернулись в сторону дверей. На секунду мы увидели макушку девушки, очень похожей на Настю, а потом видео оборвалось.

— Это все, что удалось увидеть, но согласись — тут есть о чем задуматься, — задумчиво стуча пальцами по ручке своего инвалидного кресла, протянула Кристина. — После этого моя сестра исчезла.

Некоторое время я переваривала увиденное, а девушка молча перебирала в руках листы с фотографиями. Вытащила одну и показал мне:

— А вот это что?

Она показывала мне распечатанное изображение еще одного предмета, найденного мною в сейфе. Мы обе смотрели на кулон в виде треугольника на золотой цепочке, лежащий в коробке. Я почти успела забыть, что видела его там. Нет, не забыть — убедить себя, что это мне померещилось. Хотя именно эта вещь меньше суток назад и стала решающим фактором моего побега. Брошюра могла быть просто дурной шуткой, моя фотография — приводила в замешательство и даже пугала, но контрольного выстрела все же не хватало… Им стал аксессуар моего бывшего мужа. Зажмурившись, я вновь уставилась на фото и выдавила из себя:

— Это кулон Димы. Он его никогда не снимал.

— Тогда что он делает в сейфе Сотникова?

Вопрос…

2

День, когда депрессия накрыла меня окончательно и бесповоротно, настал не сразу. Обнаруженные кулон и книга давали пищу для размышлений, свидетельствуя о том, что все события в моей жизни не случайны — я игрушка в руках опытных кукловодов. Однако, в итоге подкосило меня не это.

Финальный аккорд немыслимых разоблачений прозвучал неожиданно. Вечером, спустя несколько дней после обретения нового убежища, я занималась рутинными бытовыми вопросами: отправляла свою одежду в стирку. Сменной у меня не было, а купить хоть что-то новое не представлялось возможным, так как в мгновение ока я опять стала нищей. Карточным счетом Кристина пользоваться мне запретила, так как меня могли по нему найти. В ближайшее время девушка обещала каким-то хитрым образом вывести мои деньги на свой счет, так, что перевод отследить будет невозможно, и тогда я смогу сходить за покупками, но пока я была на правах бедной родственницы. К слову, способности Кристины в цифровом мире что-то взламывать, кодировать и находить просто поражали — я называла ее “суперхакером”. Девушка не отрицала, что талантлива в этой сфере, грустно шутя, что отсутствие возможности ходить ногами дает дополнительные стимулы в сферах, не требующих использования нижних конечностей.

Сидя на полу в халате, одолженном у хозяйки квартиры, перед стиральной машинкой и проверяя карманы на наличие забытых предметов, я нашла флешку. Это была та самая, что лежала в сейфе. Или очень на нее похожая.

Долго пялилась на пластиковый прямоугольник, сжимая и разжимая потную ладонь. В каком я была состоянии? Как я умудрилась забрать и не вспомнить потом об этом? Вдруг появилось желание забыть о флешке снова — выбросить, как будто и не было ничего. Но вместо этого я встала и пошла показать ее Кристине. Что должно быть на этом носителе? Почему Олег положил его в сейф? Очень скоро мы получили ответы на эти вопросы.

Это оказалась полная запись того, что произошло на площадке позади ресторана в ночь, когда пропала Настя. Похоже, Сотников изъял ее у службы безопасности, но почему-то не уничтожил. А зря. После просмотра мне очень захотелось развидеть увиденное.

Ночь. Асфальт, освещенный тусклым фонарем. В обзор попадают Сотников и Киреев. Сотников курит, Киреев что-то говорит и иногда хлопает Олега по плечу. Затем появляется Настя, она не одна. В спину ее пихают два бугая. Они выталкивают ее вперед и отступают. Все чего-то ждут и смотрят на Сотникова. Девушка напугана, оглядывается, крутит головой и, наверное, умоляет отпустить — звук камера не передавала. Олег разворачивается к ней. Он на расстоянии десяти шагов, а потом… Один из бугаев подходит и дает ему пистолет. Олег берет его в руку и направляет на девушку. Настя вскрикивает и бросается бежать. Выстрел. На спине у девушки кровавое пятно. Она падает. Сотников подходит, проверяет, жива ли. Встает и кивает. Киреев решает удостовериться. Подходит, наклоняется и трогает ее пульс на шее. Потом улыбается, показывает большой палец. Запись заканчивается.

Стенания Кристины оглушили — девушка завыла раненным зверем. Миша схватил её на руки и прижал к себе. Утешая и успокаивая, он баюкал девушку на руках, показывая мне глазами, чтобы я ушла. Парень жил с Кристиной в одной комнате, похоже, они были в отношениях — в любом случае, его забота не знала границ. Иногда даже бесила: похоже, я завидовала.

Встав, я покинула их, скрывшись в комнате, которая условно была моей. За стеной продолжали слышаться отчаянные рыдания, громкие всхлипы и крики. Кристина потеряла сестру. А я — желание находиться в этой ублюдской реальности. Сбросив халат, я забралась в кровать и закрыла глаза, но одиночество длилось недолго.

Спустя несколько часов ко мне ворвалась Кристина. Подъехав и стукнувшись своим креслом о мою кровать, она начала кричать, что поняла, как действовать: я — это "птица сча-

стья" и способна исполнять желания, а потому могу помочь ей отомстить за сестру. Я должна, я просто обязана захотеть, чтобы ублюдки сдохли прямо сейчас!

Приложив усилие, я подняла голову и взглянула на хакершу. У девушки был отчаянный, почти дикий взгляд и зареванное лицо, на котором ясно читалось желание убивать. Я её понимала, но не разделяла такой эмоциональной бури — вместо бешенства или чего-то подобного меня накрыл острый приступ тошноты. Перед глазами очень отчетливо всплыла картинка, на которой Ройс, Сотников, Кристина и еще какие-то безликие люди рвут меня на части с воплями: “Птица счастья! Птица счастья!” А потом Олег достает пистолет и стреляет мне в голову. Еле успев свеситься с кровати, я извергла на ковер содержимое своего желудка, после чего вытерла рот тыльной стороной ладони, отвернулась к стене и закрыла глаза.

***

Февральский мороз обжигал кожу лица. Это был самый холодный месяц зимы, а в этом году она была особенно кусачей. Последние зимние дни не давали ни одного намека на приближающееся весеннее тепло: на улице, как и в душе, была лишь непроглядная стужа.

Я бежала в салон красоты. В это утро впервые за более, чем месяц у меня появились и желание, и силы встать и выйти на улицу. Пол-января и почти весь февраль миновали в забытьи: я почти не выходила из комнаты и не вставала с кровати, пребывая в жесточайшей депрессии, грозившей серьезными последствиями. Я не знаю, что это было: эмоции и мысли погасли, оставалось только тело. Но и оно почти не требовало еды или отправления естественных физиологических потребностей. Мне не было плохо или больно — мне было никак. Я словно не существовала. Живой труп — я вполне могла умереть.

И все же я очнулась. Это случилось само собой. В последнюю неделю я вдруг начала ощущать чуть больше, чем просто пустоту. Мой организм и психика словно прошли через чистилище, изменились там и подстроились под новую реальность, после чего пожелали вернуться. В итоге затяжной кризис если не миновал, то поутих. Страсть к жизни я не обрела, но смутные желания все же забрезжили внутри.

В долгосрочной перспективе я была все еще потеряна, но на ближайшие дни поставила себе задачу, которая пробудила, дав необходимый толчок. Мой внутренний лекарь решил, что смысла заглядывать далеко в будущее нет, проще сосредоточиться на маленьких целях, иначе я не вылезу из состояния овоща.

Свое обновление я решила начать со смены имиджа. Кристина не отставала от меня все последние недели моего добровольного постельного заточения и днем ранее вдруг сообщила, что добыла деньги с моего счета — я могу идти их тратить. Это был аргумент в пользу того, что мне пора начинать шевелиться, но вряд ли хакерша рассчитывала, что он сработает. Можно представить, как она опешила, когда следующим утром я как ни в чем ни бывало встала и пошла в салон стричься и менять масть.

Кристина все эти дни очень настойчиво тянула меня из моей личной тьмы, в то время как ее саму терзала такая же, если не хуже. Когда я все же открывала глаза, бездумно пялясь в пространство, она звала Мишу и тот впихивал в меня воду и кашу. Большая часть оставалась на тарелке или подушке, но благодаря такому насильственному кормлению в итоге я не умерла.

Наверное, стоило сказать им спасибо, ведь сейчас мои ноги ступали по снежному настилу благодаря этим молодым людям. Я это понимала, но парадоксальным образом чувствовала лишь глухое раздражение. Необъяснимо: меня спасала девочка-инвалид, потерявшая сестру, а я не могла испытывать к ней ни капли сочувствия. Слишком остро понималось, что и для нее я тоже объект использования. Я была слишком категорична в этой сложной для всех ситуации, знаю. Но что есть.

Подскочив и покинув квартиру, Кристине я ничего не объяснила — вряд ли она поняла бы мое неожиданное стремление поменяться внешне. А мне просто расхотелось быть обма-

нутой, беспомощной блондинкой с оленьими глазами. Я посчитала, что лучше превращусь в суровую и беспощадную брюнетку, пусть и чью-то музу.

Я очень легко приняла, что асайя — это я. Мое фото, служившее закладкой, не давало обмануться и забыть об этом, тем более, что надпись на нем была сделана рукой Сотникова — почерк был очень похож. Ко всему прочему, Кристина накидала мне общую картину того, что смогла понять, проанализировав всю ситуацию, в которой я была на главных ролях.

"Создайте самые суровые условия для асайи, лишите ее всего, что у нее есть, кроме жизни. Чем сильнее ее придавят несчастья, чем больнее она упадет на землю, тем легче вам будет возродить ее веру в человечество через любовь к вам…"

В голове всплыл текст брошюры из сейфа, которую благодаря усилиям Кристины за время моего постельного режима я, сама того не желая, успела выучить наизусть. Наставления для очередного владельца музы — вот что это было. Все эти дни, пока я лежала, отказываясь от еды и жизни, хакерша приезжала в комнату и читала бесчисленное количество раз, одновременно с этим строя предположения и планы мести. В удачные дни, когда я была в сознании, Кристина открывала брошюру и тыкала ею мне в лицо, показывая не только текст, но и иллюстрации. Я и до этого успела посмотреть все страницы, но именно с подачи моей ежедневной "мучительницы" вникла в каждое слово, вгляделась в каждое изображение и записала на корку все, что она в меня вбивала.

К слову, обложку книжицы украшала картинка, повторяющая сюжет одного из гобеленов на стенах "Музы ночи": маленькое невинное дитя, на которое пялится куча взрослых мужиков. Теперь-то я понимала, что аукционы в среде сильных мира сего бывают очень разными. И в случае с торговлей людьми секс — далеко не самый дорогой товар. Есть кое-что гораздо ценнее — удача. Именно ее от меня хотели мужчины.

В последнюю неделю затворничества, когда меня начали посещать моменты настоящего просветления, и мозг пытался тщательно обрабатывать полученную информацию, на первое место в голове вылезли не самые важные, но очень волнующие меня вопросы: заметил ли Сотников, что я копалась в его вещах? Ищет ли меня? Жаждет ли свою асайю? Хотя бы чуть скучает по Елене Безымянной?

Ненавидела себя за это, но не думать об этом мужчине не могла. Теперь даже в мыслях я не называла его Кириллом или Брином: мое сознание раскололось надвое, оставив имя, под которым я его узнала, для образа любимого человека, а все зло списала на Олега Сотникова.

"Путь асайи к тому, чтобы сделать вас великим, долог. Она сама не знает, кто есть по сути, и не умеет управлять собою, а потому ее готовим мы. Цикличность в ее взрослении очень важна. Взлеты и падения — это то, что делает ее очень податливой в ваших руках. Но попадет она в них не раньше своего совершеннолетия..."

Взлеты и падения! Эти ублюдки писали об этом как о банальном эксперименте над лабораторными крысами. И Сотников — один из этих ублюдков. А еще он убийца! В голове не укладывалось! Если бы не видео, никогда бы не поверила, что этот мужчина способен на такое: хладнокровно стрелять в беззащитного человека! Пока я была с ним, моя глупая интуиция молчала, а обманутые инстинкты уверяли, что он точно не тварь. Однако, я ошибалась. Он гораздо хуже: он волк в овечьей шкуре. На поверхности такой нежный и заботливый, а внутри расчетливый монстр!

По сравнению с убийством невинной девушки тот факт, что Олег меня использовал и действовал по инструкции, преследуя некие цели, должен был меркнуть: я не пострадала и, положа руку на сердце, вообще не испытывала последнее время никаких проблем. Но все же люди — эгоистичные создания, и я — не исключение. Мне была жалко Настю. Я сочувствовала Кристине. Но в сто раз больше мне было жаль себя. В тысячу раз мне было больнее оттого, что любовь Кирилла-Олега оказалась обманом.

Какой театр! Подумать только! *“Поверьте, что вы любите асайю”.* Оно и понятно, я ж такая, мать их, нежная! Нежная мутантка. Ну вот мужики и старались, влюблялись в меня изо всех сил. Бедняги! И ведь не только Сотников. Дима тоже тот еще лицедей: ни дня правды!

Я вспоминала свою жизнь и пыталась найти хотя бы один кусочек без сценария. С какого момента мой жизненный трэш стал управляем? Неужели, я жила под колпаком всегда?

“Только любящая асайя может зачать. Не каждому везет подобрать ключ. У владельца есть лишь пять лет, чтобы пытаться. Иначе ее отдадут другому…”

Про рождение ребенка — это моя любимая часть инструкции. Кошмары с беременностью мучили меня с завидным постоянством. Подумать только, я единственная в мире женщина, от которой мужчинам в первую очередь нужно продолжение рода. Книга, кстати, не объясняла, что это дает папаше. Судя по всему, конкретно дитя им не требовалось, важен был факт его появления на свет. Речь шла о неком могуществе, тема которого не раскрывалась. Похоже, авторы этого пособия предполагали, что основная суть обладателю такой женщины уже и так известна, так что сама книга была по сути лишь памяткой по правильной эксплуатации.

Заскочив в двери салона, я разделась и плюхнулась в кресло, на которое мне указал мастер. Молодой парень очень запрещенной в стране наружности спросил, что будем стричь и красить.

— Меня зовут Стас, хорошая моя. Обрезаем кончики и сделаем оттенок? У тебя прекрасный натуральный блонд, я бы руку отдал за такой. А нет, не отдал бы. Как потом работать, да? — шутил мастер, рассматривая мое угрюмое лицо в зеркало.

— Стрижем коротко. Красим в темный, — сказала я, повергнув парня в шок.

— Хорошая моя, да ты что! Это же кощунство, — заныл Стасик, а я глянула на него и повторила, нагнав в голос стали:

— Коротко. Темный!

— Это ж кто тебя так обидел, хорошая моя? Какой долбоящер такую милаху бросил? — принял команду парень. — Ладно, если это вылечит твою больную душу, то пускай. Стрижем. Я сейчас такую красоту тебе сделаю, он сдохнет в муках, как увидит!

Я расслабилась и отдалась в умелые руки мастера. Парень свое дело знал. Стриг, красил и трещал без умолку. Я не слушала, но иногда мычала в тему, а сама выстраивала в систему все, что нам с Кристиной удалось понять.

Итак, в мире есть мутанты. Я оставила за собой авторскую версию их обозначения. У меня она прижилась, на остальных плевать. Кристина предлагала “иные”, я лишь пожала плечами.

Среди мутантов есть и женщины, и мужчины. Женщины называются каким-то словом, которое сокращенно звучит как “сон”, если вспомнить каталог. Их продают на аукционе, они танцуют самый сексуальный стриптиз, какой можно только представить, и вообще могут вышибать мозг у окружающих, вызывая похоть. Возможно, девственницы идут дороже, но это не точно. Насилия, вроде бы, над ними не учиняют: никто из этих мутанток несчастной не выглядел.

А еще есть парни.

Как их называют, я точно не знаю, но у меня есть предположение, которое нужно было проверить. Я вспомнила, как Маруся назвала Артёма во время секса с ним “кир”. Возможно, это оно. Что мы знаем о кирах? Судя по Зарецкому, такие мутанты могут быстро двигаться. Предположу, что они сильны — если исходить из армейских баек Баяна про Артема.

Третий тип мутантов — это асайи. Также их называют “музами” — оба варианта встретились в брошюре. У асайи всегда есть владелец. Как мужчины получают право на музу, не известно. Есть ощущение, что вокруг них и идет основная возня. Девушки “сон-как-там-их-дальше” таких танцев с бубнами не требуют. Притащили девчонок на аукцион, заставили показать себя со всех сторон, а потом зыркнули и фейерверком закрепили.

Говоря о владельцах, мы переходим к четвертому виду мутантов: похоже, это весьма обеспеченные мужчины — исходя из моих “хозяев”, беднякам асайи точно не достаются. Финансовые магнаты — гипотетические владельцы муз, покупали танцующих перед ними девочек и клеймили своими фейерверками. Этому мутантскому подвиду я придумала шикарное название: “бессердечные подонки” или “очень-очень богатые бессердечные подонки” — сокращенно “мудаки”. А что, по-моему, очень даже звучно получилось.

Исходя из того, что никакой ауры у Сотникова я не обнаружила, эти богатеи — изначально обычные люди, но, похоже, именно они воротят весь этот беспредел, если я хоть что-то поняла в этой истории.

Скорее всего, наверху пищевой цепочки этих тварей стоит Киреев: исходя из того, что я слышала и видела, Олег и Дима явно от него зависели. Может, он со склада асай раздает? Имеет право их распределять?*Какой лютый бред!*Я вспоминала, как ныл Ройс, что асайю, то есть меня, отдали Сотникову. Похоже, на том этапе он выбыл из гонки за великое могущество — я ему не родила. А потом его и вовсе убили. Слишком много протестовал и жаловался? А кто убил? Сотников?

Вдобавок к моим аналитическим выкладкам была еще версия от моей хакерши. Кристина, покрутив в голове все то, что я ей рассказала, и даже прогнав инфу через какие-то аналитические ИИ-программы, сделала вывод, что покупатели на аукционе — это те, кто обрел свое могущество. То есть все их сверкания и свечения — это результат удачной связи с асайей. Мы не знаем, на что эта могучая кучка на самом деле способна — возможно, они глазами двигают горы или превращают камни в золото, в любом случае теория ложилась красиво.

Подвеска. С ней было проще всего, так как способ ее применения подробно описывался в книжице. Это переходящее знамя. Получаешь право на музу — тебе отдают этот кулон. Он как бы настраивает женщину на конкретного мужчину. По кулону тот понимает, что она его увидела: украшение нагревается. По нему же предыдущий владелец понимает, что муза слезла с крючка: его обжигает холодом.

Представила, как Ройс снимает с себя побрякушку, с которой, к слову, он вообще никогда не расставался, — хотя по инструкции после первого "нагрева" этого как раз не требовалось — и передает ее Сотникову. Пост сдал — пост принял.

Господи, как тошно-то!

Тяжелее всего было вспоминать унизительную сцену “измены Ройса”, свидетелем которой стал и Сотников. Вот мужики позабавились!

Оставалось много непонятностей. Зачем убили Настю? Неужели просто за стакан воды? Но тогда это отмороженные психи, что не вяжется с образом Олега, да и Киреева тоже. Кристина сказала, что ей все равно, почему убили ее сестру, главное, она знает, кто. И теперь ее цель — месть Сотникову и Кирееву. Меня такое не устраивало, я бы предпочла разобраться.

Ну и самым главным на повестке дня оставался вопрос моих талантов. В инструкции было черным по белому написано, что удача сыпется только на мужчину, обладающего музой. И ни на кого другого! Но сейчас я очень четко вспомнила несколько моментов и предположила, что один раз, а, может, больше я точно включалась на “добро”. Мне пришло на ум быстрое выздоровление Ройса. Яркая реакция Олега тогда — доказательство, что сработала моя суперсила. Сотников явно ревновал и хотел того же для дочери, теперь я это поняла. Но как это работает? Что я для этого сделала? И почему у меня получилось? Ройс не являлся моим владельцем на тот момент! А, может, косвенно я этим помогла именно Олегу? Не понимаю! Не имею понятия! И именно эта задача стоит передо мной: я хочу узнать! И научиться использовать свой дар. Во имя справедливости. И ради себя.

В ГЛАВНЫХ РОЛЯХ (ВИЗУАЛЫ)

https://litnet.com/shrt/2Z6v

3

— Вещий, ну ты прям как в армии пятнадцать лет назад! Как сейчас вижу твой косорукий ежик на голове. Ты же сам себя тогда обкорнал? Проплешины были изумительны! Мятежный сын миллиардера уходит в армию, лишает себя волос, а отца выдержки! Помню, как ты таращил глаза на плацу, не понимая, где находишься. Состояние аффекта, не иначе. Давно это было! А сейчас-то что? — Зарецкий зашел в кабинет Олега в момент, когда тот стоял и смотрел на себя в висевшее на стене зеркало, проводя ладонью по волосам — в данный момент коротко остриженным.

Будучи начальником безопасности “Сотар-Р” и “Музы ночи”, а также на правах друга и правой руки Олега Андреевича Сотникова Зарецкий был частым гостем его шикарного кабинета на двадцатом этаже небоскреба компании. Он входил туда без стука и каждый раз располагался в облюбованном кресле, гостеприимно ожидающим его пятую точку.

Вот и сейчас мужчина бесцеремонно откинулся на спинку своего трона и вытянул ноги, уставившись на голову Сотникова.

— Что-то в тебе, братишка, неуловимо изменилось со вчерашнего дня! — закончил он осмотр.

— Вот за что я тебя ценю, так это за твою наблюдательность. Замечать очевидное и не видеть главного — тот еще талант! — прокомментировал Олег со скрытым подтекстом, заставившим Зарецкого нахмуриться.

Сотников задумчиво взглянул на друга, поймав его взгляд. Сейчас мужчины были даже немного похожи за счет своих коротких стрижек и мрачных выражений на лицах, но в отличие от вечных джинсов и свитеров Артема, подчеркивающих выдающийся рельеф его тела, на гендиректоре “Сотар-Р” был дорогой темно-синий деловой костюм, который категорически не вязался с армейским ежиком на голове.

— За ночь отросло несколько миллиметров волос. Они больше не седые. Сам в ахере. Утром сходил и срезал всю свою солому. Похоже, ко мне вернулась родная масть, — объяснил Олег, словно сам не был уверен в том, о чем рассказывает.

— Хм-м… Да ты просто гребаный Бенджамин Баттон! Был седовласым сморчком, а теперь почти розовощекий юнец! Глядишь, завтра исчезнут морщинки, и хрен начнет стоять колом по делу и просто от радости. Везет же! Больше у тебя ничего, кстати, не отросло? — не удержался от сарказма Зарецкий.

— Задолбал со своими подколками! — беззлобно огрызнулся Олег. — Меня от слова “везение” скоро подкидывать начнет. А вообще, из нас двоих именно ты трахаешь все, что движется, лишь бы женского пола. А самому восьмой десяток. Два раза в армию успел сходить. Пора, дедушка, уж и угомониться! — подобные пикировки между мужчинами были традицией, но обычно они делали это со вкусом и удовольствием. В этот же раз переругивались больше по инерции, так как настроение было нулевое.

— Не пойму суть претензий. Я два раза выполнил свой долг перед родиной. И ежедневно компенсирую российским женщинам их скучных, безынициативных мужиков, — ухмыльнулся Артем, но Сотников отмахнулся от трескотни друга, пребывая в растерянной задумчивости.

— Слушай, Бес! Давно хотел спросить. Чем тебе тогда наша армия так понравилась? На хрена аж два раза?.. — задавая вопрос, Сотников взял брошенную на столешнице пачку сигарет и прикурил. Присев на край стола, он затянулся, после чего стряхнул пепел в огромную пепельницу в виде дракона, стоящую возле раритетного пресс-папье такого же стиля.

— Мне одного раза всегда мало, люблю долго, качественно и с повторами… — напустив в голос загадочности, протянул Зарецкий.

— На меня не смотри, ты не в моем вкусе, — устало хмыкнул Сотников.

— Иди нахер, Олежа!

— Увидимся там, Бесенок! И я так-то серьезно спросил! — вызверился Сотников, а Зарецкий поморщился, когда дымное облачко от сигареты достигло его носа.

— Лять, Вещий. Завязывай смолить! Как следак на допросе! Сам-то в армию нахрена поперся? Папаша отмазал бы враз.

— Именно поэтому... да ты мою историю знаешь! — отмахнулся Олег и затушил сигарету.

— Знаю… А мне нравится… нравилась армия: там все тупо, просто, понятно. Я документы тогда как раз сменил: второй жизненный блок пошел после шестидесяти. Сложно с юной рожей называться взрослым дядей! Сейчас хоть заматерел на склоне лет, — серьезно ответил Зарецкий, а потом опять включил клоуна. — Срочка молодость сохраняет, видишь? Двойная доза курса молодого бойца, а ещё ЗОЖ, ПП и море секса! Рекомендую!

— Да как-то нихера не до секса, — процедил мужчина, а Артем серьезно кивнул.

— Конечно, тебе теперь не с кем. Просрали Снежинку… От кого она мне теперь третью асайюшку родит? — произнес Зарецкий с озабоченной интонацией, которая выглядела нарочитой, однако тело и мимика выдавали в нем внутреннее напряжение и готовность к бою.

— Слушай, Арт, ты когда это произносишь вслух, мне то ли морду тебе набить хочется, то ли крест нести и дьявола из тебя изгонять. Это мне Лена могла родить. МНЕ! — Сотников злился, хотя прекрасно понимал, что друг имеет в виду.

— Какой нежный! Тебе — мне. Теперь — никому, — протянул Артем, а Олег нервно прошелся по кабинету.

— Надо ее найти! У Киреева скоро день рождения. Юбилей. Полтора месяца осталось. К этому моменту я уже должен был раскрыть карты и сообщить Лене, кто я, после чего дотащить ее до ЗАГСа и привести на эту вечеринку в качестве миссис Сотниковой. Или хотя бы официальной невесты… Биг Босс не должен знать о наших проблемах. Если ее не будет на приеме, он начнет рыть, и всему конец. Куда она могла деться? Без денег, без вещей.

— Вот тут как раз есть небольшой прорыв. Похоже, Безымянная хитрее и изобретательнее, чем мы думали. Милая тихая овечка, да как же! — почти с отцовской гордостью произнес Артем, а Олег выжидающе остановился посреди кабинета, глядя на него. — Ребята нарыли косвенные доказательства того, что она здравствует, и ей точно кто-то помогает.

— Ну? Говори! — поторопил Сотников. Внезапное исчезновение девушки стало громом посреди и так не очень ясного неба. “Я не согласна”, — пришло от нее больше месяца назад, после чего ее номер ни разу не был в доступе.

Побег Лены поставил под угрозу все, что Олег планировал — это выводило из себя, но, ко всему прочему, мужчину резало яростью, ревностью и тревогой.

— Со счета Лены пропали все деньги. Кто-то их оттуда умыкнул. Да так, что мы концов найти не можем. Работал профи… Чуешь? Профессионал!

— Ее ограбили? — нахмурился Сотников.

— Или помогли, — привел контраргумент Зарецкий.

— И этот помощник… Умеет такое? Неожиданно… — задумался Олег.

— Да-да! Зато теперь все становится намного понятнее. Я думаю, Снежинка все-таки залезала в сейф. Её товарищ вполне может в этом соображать, — вынес вердикт Артем.

— Как его можно было вскрыть? В кабинет Лена попала случайно. Она не знала, что я потащу ее туда, а потом оставлю там. Я сам не знал, — рассуждал Сотников, а Зарецкий пожал плечами:

— Воспользовалась случаем…

— Хера себе, случай! — раздраженно воскликнул Олег. — Дай-ка я вскрою швейцарский сейф последней модели, все равно делать нечего, да и код случайно подобрала!

— Это единственный вариант, который объясняет исчезновение нокопителя и ее побег, — игнорируя сарказм шефа, произнес Артем, а Сотников в ответ поднял руки, сдаваясь.

— Знаю-знаю! Если не она забрала флешку из сейфа, это значит, что я — маразматик, а причина, по которой Лена вдруг спешно покинула клуб… Нет вменяемой причины, — вздохнул он.

— Именно, Вещий, именно. И посмотри, как теперь все вырисовывается: кто-то зачистил видео почти со всех камер клуба — это не был системный сбой, как мы самонадеянно предполагали, этот же мастер помог открыть Снежинке сейф, а теперь еще и добыл для нее деньги с ее же счета. Какой вывод? Простой! Получается, что мы имеем в союзниках у асайи, и не исключено, что у нас во врагах, весьма ушлого и очень продвинутого хакера, преследующего какие-то свои цели. И второй вывод… — Зарецкий замолчал, а Сотников в нетерпении ожидал, когда тот наконец-то выскажется. — Друзья у Снежинки небогатые, иначе зачем так рисковать ради ее копеек?

— Что нам это дает? — взволнованно откликнулся Олег и сам же начал отвечать на свой вопрос:

— А знаешь, Бес… Хакеры. Талант… Это же был мой мир. В свое время у меня работали лучшие умельцы этой страны в сфере IT… Нужно проверить тех, кого я уволил при переходе в Сотар. Может, кто затаил злобу. Бред, конечно. Но вдруг…

— Вот! Умеешь же выдавать нормальные идеи, а не только сопли, – удовлетворенно буркнул Зарецкий и тут же передал информацию кому-то по телефону. — И все же получается очень хреновая картина. Если Снежинка в курсе, что она асайя… Ей и нам точно конец.

Сотников обошел стол, сел в свое кресло и вновь прикурил, чиркнув зажигалкой, после чего уставился в пространство, выпуская дым изо рта и ноздрей.

— Как она могла это понять, а, главное, в это поверить? Что бы подумал обычный человек, увидев сотаровскую инструкцию? Вспоминаю, как я к этому отнесся, когда прочитал в первый и… в пятый раз. Несмотря на фотографию, вряд ли Лена приняла это за чистую монету. Хотя надпись там, конечно… И все же, скорее, она решила, что это бред сумасшедшего или сектантская ахинея. Кулон Ройса — вот, что ее могло напугать! И видео. Флешка с тайп-си разъемом — Лена могла глянуть кино сразу на сотовом. И вот тогда… Тогда она решила, что я гребаный маньяк-убийца, съехавший кукухой, — Олег замолчал, размышляя. В задумчивости он провел рукой по гладкой поверхности стола: это был офисный гигант, обошедшийся гендиректору в баснословную сумму. Весь интерьер его кабинета был выдержан в американском офисном ретро-стиле, дыша роскошью, пафосом и, неожиданно, вкусом. Декорировать помогала Тина. Киреев не понял бы, не спусти Сотников круглую сумму на пыль в глаза — те, кто стремился в “высшие”, были ориентированы на подобное выражение себя.

— Олег, ты забываешь про союзника Снежинки. Он может знать обо всем и выложить Лене, кто она такая и что за герои вокруг нее. Если дело сделано, то все. У асайи слишком хрупкое сознание. Она впадает в состояние, которое колесами не вылечишь. Ничего общего с обычной депрессией, хотя внешне очень похоже. Если муза узнает, что ее используют и, главное, почему, сказке конец, — усмехнулся Артем, а Сотников с удивлением посмотрел на друга. Не часто можно было услышать такую… надтреснутость в тоне товарища. — Девчонки сходят с ума, не принимая реальность. Ни о какой привязке с ними уже речи не идет.

— Привязка… Слово какое-то… собачье! Как случка… — Олег недовольно поморщился. — Арт, Лена помогла Дену получить стипендию, врачу вылечить Ройса и, черт знает, кому еще. Какая, на хрен, привязка! Она вообще не подходит под то, что написано в этом руководстве. Ее сила — как та граната в руках у обезьяны! Мы ничего о ней не знаем! Никто не предупреждал, что такое может быть! Думаю, сам Киреев не знает о таких аномалиях. А этот помощничек. Кто он? Лена спит с ним? — Олег бесился, вспоминая, как его асайя, “видела” других мужиков, даря им свою благосклонность и удачу. А теперь, судя по всему, и вовсе свя-

залась с каким-то проходимцем. Когда она успела найти себе союзника? Она почти круглые сутки была под наблюдением если не его самого, то Артема.

Сотников ненавидел ощущение слабости и растерянности, которые сами собой появлялись при невозможности что-либо контролировать. В этом смысле Елена Безымянная стала для него настоящим испытанием.

Что это вообще за задача — влюбить в себя женщину? Как написать правильный алгоритм и учесть все погрешности?

Долгое время Олег Сотников считал себя обычным человеком, которому нужны были только его семья и любимое дело. Но сейчас настали другие дни. Появились иные задачи. В зону его ответственности попали новые объекты. В том числе и Елена. С ней с самого начала все пошло не по плану. И не только потому, что в вопросах обольщения женщин, Олег не был большим специалистом, а еще потому, что сам стремительно менялся под гнетом обстоятельств, теряя понимание, что он из себя представляет.

Кто такой Олег Андреевич Сотников, тридцати трех лет от роду, потерявший отца, брата, жену и почти дочь? Финансовый магнат, купивший себе право владеть женщиной, которая нужна ему для обретения конкретных выгод, и заплативший за это очень большую цену — кто он?

Несколько месяцев травли слабой, беззащитной девушки для того, чтобы получить возможность побороться за удачу… Момент, когда Ройс сообщил, что артефакт сработал, и муза готова к новым отношениям, принёс облегчение: необходимость пытать ее себя исчерпала. Но проще не стало.

Страшно вспомнить, во что они с Бесом превратили Лену во время этой гребанной “негативной стадии”. Не Ройс гнал ее со всех работ, лишая пропитания. Не бывший муж выставлял Лену из съемной квартиры, не его люди следили за каждым шагом асайи, изучая ее. Это был сам Сотников. Он и его команда. Дмитрий Владимирович был лишь статистом, произносившим некоторые реплики.

С самого начала Олегу казалось, что ему плевать на чужие страдания: подумаешь, изнеженная девочка чуть помучается, прежде чем вновь попасть в золотую клетку. Мужчина старался рассматривать Елену исключительно как средство достижения своей цели, но спокойно относиться к ней все же не мог. Бывшая жена Ройса выводила его из себя. Он ненавидел ее за то, что вынужден быть плохим. Безымянная была живым доказательством того, что сам Сотников тоже меняется, теряя человеческую суть и превращаясь в беспринципную тварь.

Олег очень хорошо помнил свой первый рабочий день водителем. Его “хозяин” прекрасно знал кого и для чего нанимает. Поднявшийся из низов трудоголик Ройс и родившийся с золотой ложкой во рту бунтарь Сотников невзлюбили друг друга с первой секунды. Однако, как бы ни бесился Дмитрий Владимирович, он не мог послать Олега, ибо правила игры были одни для всех. Несколько месяцев новой для Олега роли были странным периодом для обоих мужчин.

Ройс неплохо поднялся за пять лет на “удаче” от музы, получая самые выгодные сделки, выигрывая тендеры и давя конкурентов. Он был и так хорош, а в совокупности с верной асайей стал в своей сфере просто бульдозером. Можно представить, как тяжело ему было признать, что главный приз ему так и не достанется, а высшая лига будет навсегда закрыта.

В итоге своего пятилетнего эксперимента Ройс огреб откат и психоз, а Сотников получил свое право на девушку. Это была честная и жестокая, бескомпромиссная игра. Каждый знал, во что лезет и чем это все грозит.

Для Ройса итогом стала смерть. Сотников рассчитывал на другое.

Два месяца, которые Олег работал на своего конкурента, были для него нелегкими. И вовсе не из-за того, что он вынужден был прислуживать Дмитрию Владимировичу — невелика жертва с учетом обстоятельств. Главный страх Сотникова тогда заключался в том, что Ройс

успеет заделать своей жене ребенка, ведь контрактное время владения музой еще не вышло. Мнимый Кирилл Брин очень удивился, когда Ройс отправил Лену в поездку, где она провела их последнюю неделю. Где логика? Сам Олег до последней минуты не выпускал бы жену из койки.

Устроиться водилой к семейству Ройсов было личной инициативой Сотникова. Артем и Тина считали, что план идиотский, однако мужчина упорствовал. Он посчитал, что после ужасного расставания с мужем, срежиссированного, к слову, совместными усилиями двух миллионеров, Лене будет проще довериться человеку "из народа", чем очередному олигарху. Кроме того, таким образом Олег имел возможность познакомиться с асайей заранее, изучить ее и немного приучить к себе.

Правы и одновременно не правы оказались все. Схема работала, но оказалась неполноценной: Безымянная с трудом приняла помощь “Кирилла Брина”, а образ рядового человека совсем не пригодился. Ему удалось устроить девушку на работу и войти в коммуникацию с ней, но в итоге Олег все равно пошел по проторенной и максимально понятной каждому мужчине в отношениях с женщинами дорожке: он начал методично покупать Лене комфорт и стабильность. К ее чести, она сопротивлялась. Но куда бедной птичке было трепыхаться, когда взрослые дяди обложили ее со всех сторон.

Обман создавал сложности: в “Музе ночи” на время, когда Олег был Кириллом, царил настоящий террор. Любого, кто назовет его по имени-отчеству ждало увольнение с волчьим билетом. Благо, Сотникова знали далеко не все. И, к счастью, никто не прокололся. И все же, правда могла выплыть наружу в любую минуту — это был вопрос времени. Чтобы избежать некрасивого разоблачения, Олег собирался сознаться, придумав правдоподобную легенду. Она, собственно, наполовину уже была скормлена Лене. Оставалось добавить некоторые детали. Однако, девушка неожиданно исчезла.

И сейчас Олегу нужна была Елена Безымянная. ЕГО асайя! Нужна, в первую очередь, для осуществления плана. А еще лично ему.

Сотников на удивление легко вошел в роль “владельца асайи” и очень быстро перешел на следующую стадию: начал звереть от любого стороннего взгляда на “его женщину”. Незаметно его отношение к Лене стало гораздо более многогранным, чем он собирался допустить. А вскоре все стало совсем сложно: была пройдена точка невозврата. В какой момент это произошло? На это ответ у мужчины был: на заднем сиденье джипа после неудачного свидания. И дело было не в сексе, точнее, не только в нем.

В тонкостях своих чувств Сотников не разбирался, но как-то так вышло, что в любви Елене мужчина признавался с каждым днем все легче и искреннее: то ли сам поверил, то ли реально влип. Одно Олег знал наверняка: Лену нужно вернуть любой ценой. Как бы то ни было, в его игре она была единственным козырем, без которого все теряло смысл.

— Арт! Принеси мне список всех уволенных из моей конторы айтишников, включая фриланс. Я посмотрю. Мы найдем мою асайю! Мы не можем проиграть! — несколько раз повторил Сотников, прикуривая очередную сигарету.

4

Из салона я выходила действительно другой. Мои длинные светлые волосы превратились в короткий боб цвета “темный шоколад”. Когда Стас закончил кудесничать, на результат пришли посмотреть все мастера салона — не так часто им приходилось наблюдать столь кардинальное преображение.

— Рекомендую смоки-айс, детка. И бровки затемнить. Лицо теряется на фоне таких волос. Слишком блекло, — приговаривал мастер, делая последние штрихи. Он перебирал пальцами мои пряди, придавая им текстуру с помощью укладочных средств.

— Спасибо! — ответила я и встала, стряхивая остриженные локоны с джинс и ботинок. Основную длину Стасик снял, сжав мои волосы в кулак. Раз — и все. А после уже стриг и тонировал так, как того требовал задуманный им образ. Мне понравилось наблюдать за процессом. И даже подумалось, что было бы здорово, если бы и в жизни так можно было делать. Взмах руки, “вжик” — основные проблемы и все ненужное ушло, а потом “чик-чик-чик”, немного творчества — и твоя жизнь заиграла новыми красками.

В этот день я посетила магазин косметики, одежды и салон сотовой связи. Самое главное это то, что я приобрела себе новый телефон, вставив в него симку, выданную Кристиной. Теперь я вновь стала полноценным членом современного цифрового общества. Ничего дорогого купить я себе не позволила, но за неимением даже базовых вещей, потратилась в итоге неплохо — не хотелось просить каждую мелочь у мрачной хакерши.

Вернувшись в квартиру, я прошла на кухню, где обедали девушка и Миша. Оба с удивлением и любопытством уставились на меня, а потом хакерша сказала:

— Хорошая идея. Так тебя почти не узнать! Ну и для мести образ более подходящий.

— Мести?

— Да, такой план. Надеюсь, именно это заставило тебя очнуться?

Я неопределенно пожала плечами, а девушка добавила раздраженно:

— Пока ты изволила страдать и плевать на весь мир, я все придумала.

— Что конкретно? — спросила я, цепляя со стола ароматный сырник, которые нажарил Миша. Парень работал су-шефом в ресторане, готовил как бог и баловал Кристину, а заодно и меня своими кулинарными шедеврами. Правда, последние недель пять я не ценила его талант, выплевывая половину впихиваемой в меня каши, зато сейчас была готова наверстывать

— Как — что? Я буду мстить за смерть моей сестры! — хакерша взглянула на меня волком, словно обвиняя, что я забыла о главном. А потом опомнилась и дополнила. — И за то, что они тебя использовали. Ты, наконец-то, с нами и перестала играть в спящую красавицу, так что будем давить врагов, — отчеканила девушка. Я же бесстрастно макала свой сырник в мед, не поднимая глаз на Кристину: на ее ожесточенное бледное лицо я смотреть не хотела, оно меня пугало. Слишком много горя, отчаяния и злобы!

— Не разделяю твоего желания, прости. Я больше вообще не хочу разделять ничьих желаний, — очень спокойно, но твердо ответила я, откусывая кусок и стирая пальцем текущий по подбородку мед.

И без того колючие черты лица девушки обострились: хакерша злилась и не скрывала этого.

— Да? И что же ты будешь делать? Ты живешь в моем доме и при этом хочешь пойти против меня? В таком случае… — процедила девушка, но я её перебила.

— Мне кажется, я бесполезна, пока не научусь использовать свою суперспособность. Судя по всему, это не так просто: есть определенные условия. И если мы разберемся, я смогу помочь тебе. И всем…

— Моей сестре уже не поможешь, — сквозь зубы процедила Кристина, но дальше спорить не стала. Её парень молчал. Миша вообще был удивительно немногословным. Большой и добрый мишка, всегда готов поддержать, но свое мнение выражал крайне редко.

— Именно так. Но месть тоже ее не воскресит. Поэтому давай это пока отложим. Лучше послушай вот это. Я много думала над этим куском.*"Запомни важное. Использовать асайю во вред нельзя. Зло нарушит баланс. Она должна верить в тебя и в то, что ты желаешь. Делай и получится!"*

— Ну окей, — протянула Кристина. Безо всякого, впрочем, энтузиазма. — Ты не сможешь поддержать своего хозяина, если он решит взорвать бомбу, например. Ему придется это делать самому. А если он будет спасать котиков… Ты же любишь котиков? Тогда у него точно получится, — пожала плечами девушка. — И что? Я это тоже читала и поняла.

Она намеренно подчеркнула слово "хозяин", чтобы разозлить меня. Ее явно бесила моя инертная позиция и несостоятельность: больше месяца в кровати, но и теперь, когда пришла в себя, я не хватаю топор и не бегу убивать Сотникова.

Кристина не понимала главного: на данном этапе я желала не революции, а приобретения опыта. Похоже, Артем и Олег знают обо мне больше, чем я, и вот это бесит больше всего. Бороться с ними — все равно, что лупить танк подушкой Мне не победить их при таком раскладе, даже если я этого захочу. А потому стоит познакомиться для начала с собой, а потом уже решать, что делать дальше.

Я еще раз прочитала заинтересовавший меня отрывок вслух и подчеркнула:

— Ты не слышишь самое важное: делай и получится! В случае с Ройсом я помогла не ему, а врачу, когда он лежал в больнице. Понимаешь? Видимо, если я и давала какую-то удачу Диме, то только в его бизнесе. Я помню, как он тщательно знакомил меня с некоторыми проектами, словно очень хотел чтобы я в них поверила. И они работали! Я всегда очень переживала за него и желала ему победы. А он не забывал мне говорить спасибо за поддержку. И только сейчас я понимаю, что он имел в виду: он действительно благодарил за оказанную услугу. Тогда же мне казалось, что он очень сильно меня любит и делится любой радостью.

Я старалась говорить с минимальным количеством эмоций. Если в моем тоне и была горечь, то я пыталась ее скрыть от хакерши во избежание. Кристина не выносила "сопли". Будучи человеком действия, она рвалась вперед, закусив удила. Мне же нужно было убедить ее стать моей союзницей.

— Ты хочешь сказать, что, просто проорав "крэкс-фэкс-пэкс", меня не вылечишь? — протянула хакерша, вертя в руках ручку. — То есть ты можешь мне помочь исключительно в неких действиях, и то, если будешь в них верить? А если, ну вот например, я начну как-то заниматься своим излечением, ты это форсируешь? Или ты благословишь хирурга, который сделает операцию мне на позвоночнике? Хм-м, — уже с гораздо большим энтузиазмом включилась в рассуждения Кристина. — Ну хреновый ты Гэндальф, что уж там.

— И даже еще хуже, чем ты думаешь. Есть ещё момент. Нужно "увидеть" того, кому ты будешь помогать, — сказала я и замолчала, пытаясь точно сформулировать свою догадку. — Судя по всему, асайя должна почувствовать симпатию к человеку. Тогда будет и всё остальное. Исходя из книги, таким человеком может быть только обладатель кулона, он и становится ее хозяином. Именно ему она и приносит удачу. Ну а дальше ты помнишь: ребенок и некое могущество, — я перевела дух, готовясь к самому главному выводу, который сделала из книги и своего опыта.

— Так! И что же из этого следует, кроме множества условий и заморочек? — Кристина случайно уронила ручку и теперь нетерпеливо стучала пальцами по подлокотнику своего инвалидного кресла. Миша все это время молчал, внимательно прислушиваясь к моим словам.

— А то, что книга врет. В моем случае, по крайней мере. Я помогала не только Ройсу и Сотникову, а, значит, могу это делать и впредь! Единственное, есть ощущение, что это дол-

жен быть мужчина. Так что не факт, что тебе я могу быть полезной своим даром напрямую. Впрочем, это не проверено, а всего лишь моя личная, весьма не репрезентативная статистика. А теперь, внимание, вопрос — как мне научиться делать это самой? По своей воле? Вот о чем нам по-настоящему стоит подумать!

— А как у тебя раньше получалось? Ты что-то ощущала? — Кристина с хищным выражением подалась вперёд. Того и гляди — бросится.

— Ничего такого не было. Я сейчас пытаюсь вспомнить, но внимание на свои фокусы я тогда обратила только из-за комментариев окружающих: судя по всему, Ки… — начала я произносить имя, но осеклась. — … Олег и Артем очень удивлялись происходящему. А еще, похоже, я умею сверкать глазами в моменты, так сказать, запуска моего колеса удачи. Так что, ориентир есть.

— Так-с, давай попробуем, — загорелась Кристина. Она потирала руки в предвкушении, я же не была столь оптимистична. — Мужик, говоришь, нужен? У Мишки конкурс кулинарный послезавтра. Давай, наколдуй ему победу!

— Знала бы я, как… — пробурчала я, но идея в целом понравилась. — Давайте начнем с того, что он мне должен понравиться.

— А, может, уже? Он тебя с ложечки кормил, пока ты в него еду выплевывала. И со мной возится. Достались же ему соседки неполноценные какие-то, — впервые я видела на лице девушки хоть какую-то мягкость. Рассказывая о Мише, она смотрела на парня с любовью и благодарностью, что давало надежду на то, что со временем она придет в психологическую норму.

Я вздохнула, понимая, что как бы то ни было, меня не трогает Ребус. Как это все работает вообще? С чего я так прониклась Деном или врачом?

Я на всякий случай выпрямилась на стуле и очень внимательно уставилась на парня, настраиваясь, а тот сразу напрягся, словно кролик перед удавом, и с опаской посматривал то на меня, то на свою девушку.

— Вы чего? — спросил Миша, а хакерша рявкнула:

— Давай, рассказывай о себе! Ты должен понравиться Лене… Схема, конечно, зашибись. Проще подготовиться и все сделать самому, — на эти слова Миша с готовностью кивнул.

— Девочки, не надо мне помогать. Я сам.

— Это для дела. Это не для тебя! — отрезала Кристина. — Начинай!

— И что я должен делать? И в каком смысле нравиться? Как человек? Как мужчина?

Миша вопросительно перевел взгляд на меня, а хакерша уточнила:

— Лен! Ему тебя соблазнять, али в душу лезть?

Тут даже меня проняло: уж очень захотелось от этой самой души посмеяться, но я подавила неуместный порыв. С серьезным и задумчивым видом я покосилась на совершенно несчастное лицо Михаила. Парень настолько откровенно страдал, что прям напрашивался на то, чтобы его немного подразнить. Усмехнувшись, я кокетливо повела плечом:

— А как тебе больше нравится?

Похоже, изобразить сексуальную девицу у меня не особо получилось, так как Кристина покатилась со смеху, а Миша сошел с лица, словно ведьму увидел. Я вздохнула и пояснила:

— Расскажи о себе, а я просто попробую тобою проникнутся. Я и так, собственно, не испытываю к тебе никаких отрицательных эмоций. Если у меня загорятся глаза, говорите. Это значит, коннект пошел.

Следующий час мы слушали нуднейшую историю жизни Михаила Ребуса. “Ребус” — его настоящая фамилия, и лично я считаю, что она ему не подходит. Ну какой там ребус, у этого парня в жизни все очень линейно, спокойно и просто. Хорошая полная семья. Никто не разводился, имеется старший брат и младшая сестра. Поступил в кулинарный техникум, так как всегда хотел готовить. Забрали в армию — легко догадаться, чем он там занимался: он

был поваром. Потом вернулся, пошел учиться дальше. И вот мы имеем двадцатишестилетнего Михаила с постоянной работой, столичной пропиской и Кристиной.

На его отношения с хакершей я надеялась больше всего — любить девушку-инвалида, ну это же прямо повод расчувствоваться. Однако, и тут все не так однозначно. Дружили они давно, еще до аварии, в которой пострадал позвоночник Кристины. Ее и Настины родители — отчаянные алкоголики, так что помочь не могли. Учились Кристина и Миша в одной школе — он был на два года старше, но это не мешало тусить им в одной компании.

После несчастья общаться они не перестали, а когда Ребус вдруг поссорился с родителями, Кристина предложила ему пожить в доставшейся сестрам от бабки квартире, на которую отец с матерью не имели прав.

Однажды Настя не вернулась, а Миша после этого поселился с Кристиной на постоянку. Ребус для хакерши стал сиделкой, другом и, похоже, любовником — я и знать не хотела, как там и что у этой парочки, но звуки периодически из комнаты ловила характерные. Похоже, они оказались очень подходящими друг другу людьми.

— А еще я вчера скворечник сделал, — сказал Миша спустя час своего подробнейшего рассказа о том, как он помогал товарищам в армии.

— Дело хорошее, — ответила я, искренне пытаясь проникнуться этим парнем, но без особого успеха. По крайней мере, по свидетельству очевидцев, глаза не горели. Хакерша констатировала, что даже как-то наоборот, потухли немного. Спустя еще час, надежду потеряли все.

— Да бли-ин! Так мы все тут тебя возненавидим, Миха, — сказала Кристина, и, зевая, направила свое кресло из кухни в комнату. — Пойду у ИИ спрошу, может что посоветует.

Миша с облегчением вскочил и принялся мыть посуду, а я получила передышку, оказавшись предоставленной сама себе.

Вытряхнув купленную косметику из сумочки, я уселась в своей комнате делать версию макияжа со смоки-айс, вспоминая советы сегодняшнего парикмахера.

Через полчаса я узрела “Лену 2.0”. Она смотрела на меня из зеркала, словно говоря: “Не спасет тебя макияж, стрижка и модные тряпки, если не сделаешь ты рожу свою понаглее да поживее. Сейчас ты больше похожа на четырнадцатилетнюю эмо-суицидницу, чем на взрослую женщину, для которой мир “уже давно понятен”.

И все же новый образ мне шел. Я представила, как бы удивился Кирилл, который Олег. Да, мне хватало дури все ещё о нем думать — и не всегда в негативном ключе, игнорируя, что он и есть тот самый Сотников — урод, который вместе с Ройсом спокойно наблюдал за моими мытарствами после развода и хотел от меня лишь удачи. Хотя, наверное, не только. Даже уверена, что спать со мной ему тоже нравилось. Но основная цель была — могущество.

Я настолько разочаровалась во всех, кого знала, что почти не сомневалась, что Олег вполне мог отправить на тот свет своего отца: Настю же застрелили вполне спокойно. А вот жену… Их он любил, — свою семью — это было видно. И так хотел, чтобы я помогла дочери! Я прокрутила в голове сцену нашей встречи с врачом Ксюши. Вспомнила лицо… Олега.

Сердце кольнуло. Да что там — почти разорвалось, попав на линию дерущихся между собой чувств и эмоций.

Он хотел спасти свою дочь! А почему бы не попробовать?

Почему эта идея отозвалась в душе уверенностью, что может получиться, не знаю. Однако я вскочила со своего места, готовясь в бой. Мне нужен был врач Ксюши Сотниковой, а не Миша! Я хочу, чувствую, жажду — я должна проникнуться именно им. Я способна поднять на ноги эту девочку.

5

Удивительно, но идея помочь дочери Сотникова нашла в моей душе невероятный отклик. Я тут же схватила телефон и приступила к поиску того самого врача, что занимался лечением Ксении. Кажется, я впервые с момента побега из клуба почувствовала себя живой — если у меня реально есть возможность помогать, то чем сидеть страдать, не лучше ли этим и заняться?

Поиск в интернете ничего не дал. “Сотар Хоспитал” не относилась к медцентрам, которым требовалась реклама. Я нашла несколько упоминаний, но ни официального сайта, ни хоть каких-то контактов, куда можно было бы записаться на прием, мною обнаружено не было.

Вариантов дальнейших действий было несколько. Первый — караулить мужчину возле клиники. Второй — попросить Кристину его найти. Третий — ещё не придумала. Вздохнув, так как предчувствовала предстоящий непростой разговор, я пошла в комнату к девушке.

Постучав и получив разрешение, вошла. Кристина сидела перед своими мониторами, ее пальцы порхали по клавиатуре, а сама она даже не повернула головы. Её берлога немного напоминала диспетчерскую в “Музе ночи”. Невольно вспомнила, как Кирилл-Олег кормил меня там бутербродами. Сердце сжалось, а потом проснулась злость. По чьей вине я голодала?

— В сети нет ничего про то, о чем пишут в книге. Я несколько раз проанализировала ее содержание через специальные программы. Ничего вразумительного. Похоже, разбираться придется самим. И все же я не понимаю, зачем было убивать Настю. Неужели она стала просто результатом плохого настроения? Разве так бывает? Сейчас бы Сотникова к стулу привязать и паяльником ему в глаз. Может и сказал бы… А нет, так хоть повыл бы мне на радость, — Кристина говорила, сжимая рукой ручку ее кресла. Ненависть и одновременно беспомощность в ее глазах полоснули холодом. Не сомневаюсь, что окажись в ее руках паяльник, и имей она возможность ткнуть им в убийцу сестры, она бы это сделала. В таких условиях просить о том, что я собиралась, было вдвойне сложнее. Однако я знала чего хочу, а потому все же решилась.

— Кристина, ты можешь найти все, что получится об одном человеке? — начала я, а хакерша, выпрыгнув из кровожадных и горестных мыслей, посмотрела на меня.

— Кто интересует?

— Врач из “Сотар Хоспитал”. Максим Федорович, — ответила, готовясь к вспышке.

Кристина прищурилась и уточнила:

— Он лечит Ксению Сотникову?

— Да — он.

— А ты права! Как же я раньше не подумала! Я могу отомстить этой мрази по-другому. Убить его дочь. Говоришь, он любит ее? Хотя, если мы ее прикончим, мы ему даже подгон сделаем. Избавим от ожиданий и страданий. Нет уж, пусть мучается… Зачем тебе этот Максим Федорович? — резко сменив тон, спросила и с подозрением уставилась на меня девушка.

— Я хочу попробовать вылечить Ксению. Планирую проверить свой дар на этом враче.

Хакерша ответила не сразу. Она непонимающе уставилась на меня. И по мере того, как до нее доходил смысл моих слов, ее лицо менялось, искажаясь в гримасе ярости.

— Ты… Что?! ЧТО?? — хватая воздух ртом переспросила Кристина, а я решила не поддаваться на ее истерики.

— Я хочу провести эксперимент и заодно по возможности помочь маленькой девочке. Если не получится, тогда я признаю, что не способна ни на какие чудеса, и мне все померещилось. А сейчас я ХОЧУ! Понимаешь? Что-то внутри меня шепчет, что это правильно.

— А что-то внутри меня шепчет, что ты тупая овца и все еще страдаешь по этому ублюдку.

— Причем тут он и больная малышка? — запротестовала я.

— В этом мире миллион больных малышек. Вон, иди в любое раковое отделение и спасай себе! — орала Кристина. На ее вопли с кухни пришел Миша. Он встал в проеме двери, наблюдая за нами.

— Я не фея, разве ты не видишь? Даже из этой брошюрки понятно, что музы должна проникнуться. Максим Федорович, конечно, по виду, тот еще гондон, но мне придется поискать в нем что-то… В общем, не хочешь помогать, не надо. Я сама…

— Я могу тебя выставить из своей квартиры. И ты можешь катиться на все четыре стороны. Бабок у тебя надолго не хватит.

— На и ладно, — все же вспылила я. — Я так привыкла к такой херне, что и не замечу. Сама выслежу врача, а ты купайся тут в своей ненависти и пустых догадках.

— Он убил мою сестру! Убил! ты понимаешь? — закричала она, а я зажмурилась от ярости, звеневшей в ее голосе.

— Я знаю! И он заплатит за это! Но причем тут его дочь? — спросила я.

— Ты идиотка! — прорычала девушка, но градус ее ярости заметно снизился. Помолчав, спустя пару минут почти шепотом она добавила:

— Настя мне была матерью, как ты не понимаешь!

— И мы разберемся. Со всем разберемся. Но пока дай мне понять себя, — почти с мольбой обратилась я. Хакерша вздохнула и развернула свое кресло к мониторам.

— Ладно, найду тебе твоего врача.

Больше она ничего не говорила, всем своим видом показывая, что от нее лучше отстать. Мы с Мишей вышли из ее комнаты, а к ужину девушка сама присоединись к нам, выкатившись на кухню с победным видом.

— Нашла я твоего эскулапа. Мих, дай пожрать, а. Расскажу сейчас все.

Наш повар разложил по тарелкам спагетти с фрикадельками и густым томатным соусом. Все схватились за вилки, а Кристина с набитым ртом начала рассказывать.

— Интересная личность этот твой врач. Максим Федорович Литвинов. Пятьдесят один год, разведен. Трижды. Нейрохирург, дополнительная квалификация — реабилитолог. Есть дочь, она уже замужем. С женами общается со всеми, хобби — мотогонки эндуро.

— Что, прости? — нахмурилась я.

— Эндуро. Гоняют на мотоциклах по камням и грязи. В его соцсетях миллионы фото. Клуб, в котором он состоит, находится за городом и называется “Эндуро-лайф”.

— А про работу что нашла?

— Нигде не постит. “Сотар Хоспитал” — не требует рекламы. И, похоже, даже боится ее.

— Мне нужно с ним познакомиться, — задумчиво протянула я.

— Да я уж поняла. Миша, тут твой выход, — втягивая макаронину с шумным хлюпом, Кристина посмотрела на своего бойфренда. — Уложи нашу девочку в постель к этому экстремалу.

— Да какая постель, о чем ты! — возмутилась я, а хакерша засмеялась в голос. — Не, ну а что, тебе же надо проникнуться мужиком. Так проникайся! Ну или он… проникнет.

— Кристина! Я обязательно попробую помочь и тебе… — попыталась я успокоить девушку, но она перебила:

— Забей! Я уж поняла, что вы, асайи-музы, очень капризны. Делай, что хочешь. В любом случае в деле мести ты не поможешь. Сейчас меня это не особо волнует. Одного прошу — не притащи к нам хвост, не выдай себя. И придумай себе другое имя.

— А ты что?.. Как ты собираешься действовать? — до меня вдруг дошло, что Кристина в любом случае будет что-то делать, и оставлять девушку наедине с ее планами чревато.

— У нас есть видео. Подумываю отправить его в полицию и параллельно сделать вирусным, чтобы так просто они не могли от него избавиться, — сказала девушка, испытующе глядя на меня. Если она думала, что я буду против, она ошиблась. Привлечь органы было самой

правильной мыслью. При наличие огласки, так просто замять это дело не получится. Все правильно. Но сердце сжалось в нехорошем предчувствии.

Я переживаю за Сотникова? Или боюсь, что он что-то сделает Кристине? Не знаю!

Не выдав свои бредовые мысли и несмотря на внутреннее сопротивление, я кивнула, одобряя стратегию хакерши.

Мы проговорили втроем до поздней ночи — нужно было разработать план моего знакомства с врачом, реализовывать который начали со следующего утра.

Исходя из социальных сетей, Максим Фёдорович работал в будние дни и отдыхал как все нормальные люди: в субботу и воскресенье. Знакомиться мы с ним решили в мотоклубе, в который мы поедем с Мишей. Однако, для начала нужно было найти мотоцикл, годный для эндуро. Тот, на котором гонял Ребус, совершенно не подходил для подобного рода гонок.

Покупать оказалось не по карману: даже с пробегом мотоцикл стоил прилично. Доход у Кристины и Миши какой-никакой был: Ребус был устроен официально, а хакерша подрабатывала на разного рода заказах, однако тратить деньги на бесполезную покупку не стали, решив взять на прокат. К слову, в этой истории я почувствовала себя нахлебницей, так как денег, снятых со счетов, хватит только на мои личные мелкие траты и то ненадолго. Так что кроме всего прочего, я задумалась о поиске работы. Это было непросто, так как требовалась неофициальная зарплата: залететь в налоговую со своими настоящими данными — значило выдать себя Сотникову. Впрочем, на повестке в первую очередь было знакомство с эскулапом.

Нам повезло, так как в ближайшие выходные на трассе “Эндуро-лайф” проходили региональные соревнования, где в числе прочих в списке участников значился Максим Федорович. Несмотря на то, что сроки регистрации закончились, наша богиня взлома и подтасовки цифровых данных разместила кандидатуру Ребуса в списке участников, что, кстати, вызвало у него почти детскую радость и восторг: парень предвкушал лихую гонку и новый опыт.

Итак, ранним субботним утром, мы погрузили найденный Мишей мотоцикл в небольшой потрепанный фургон, принадлежащий Кристине, и рванули за город. Мы очень надеялись, что в процессе соревнований у нас появится повод заговорить с нашим объектом.

По дороге Ребус долго и нудно объяснял мне разницу между мотокроссом и эндуро. Я слушала вполуха, но кое-что все же почерпнула. Из его пространного рассказа, что говорило о высшей степени взволнованности этого молчаливого парня, я поняла главное: эндуро — это дольше и сложнее, в то время как в мотокроссе — главное скорость.

Когда мы приехали на место, я удивилась популярности этого вида спорта. Нужно реально болеть мотогонками, чтобы быть тут завсегдатаями: это ж сколько терпения и выдержки у тех, кто торчит целый день у своего куска трассы и смотрит на пустоту. Трасса для эндуро — это лесные тропы, камни, корни, водные преграды, холмы и песчаные участки. Участники должны пройти серию секций, каждая из которых оценивается по времени или по штрафным очкам за нарушения. Проблема в том, что как зритель ты видишь лишь небольшой отрезок, а в остальное время это всего лишь унылый и довольно пыльный пейзаж.

Ребус объяснил, что зимние соревнования — большая редкость. Любые мотогонки — это про теплый период, а эндуро и подавно. Но в этот раз клуб решил оторваться по полной: отмечал свое двадцатилетие вот таким экзотическим способом. Благо, зима была не такой уж снежной и, главное, без гололеда. Зрителей в итоге это собрало в разы больше обычного: кроме самих фанатов, зимние гонки привлекли внимание разных блогеров и стримеров.

Радовало, что благодаря современным технологиям, сегодняшним зрителям можно было посмотреть на гонку и со всех ракурсов: клуб позаботился об этом. Для них был предусмотрен крытый павильон с огромным монитором, удобными стульями и обогревателями. Кроме того, там наливали чай и даже горячительные напитки: на дворе был последний день зимы, однако пока еще уютное тепло не наступило, так что все согревающее было весьма кстати.

Съемка велась дронами, поэтому следить за ходом гонки можно было в относительном комфорте. И все же даже будь я истинным фанатом, никогда бы не потащилась сюда: оказалось, что можно смотреть из дома, так как трансляция велась еще и в инете в режиме реального времени.

Посмотрев на обстановку, я расстроилась: как тут познакомиться с Литвиновым? Однако везение было на моей стороне. В конце концов, я же муза. Я увидела, как Миша, в обычной жизни совершенно неразговорчивый тип, ворвался в группу участников соревнований, которые готовили свои мотоциклы к старту и разговаривали друг с другом. Я удивилась такой прыти своего спутника, пока не узрела причину, по которой Ребус совершил этот коммуникативный подвиг. Рядом с ним стоял Максим Федорович собственной персоной. Я очень хорошо запомнила его холеную физиономию. Он что-то объяснял Мише, они изучали мотоциклы друг друга и явно были на одной волне, даром, что между ними почти тридцать лет разницы в возрасте. Набравшись решимости, я подошла.

— Миша, братик! Ни пуха ни пера! — сказала, приблизившись вплотную.

— К черту, Жень! Иди в павильон. Замерзнешь! Я же говорил, тебе тут будет скучно. Я вернусь только часов через шесть, — быстро включился Ребус в игру. Мое новое имя — Женя — мы выбрал на общем совете.

Литвинов поднял на меня голову и, похоже, остался доволен тем, что увидел. Я старалась. Обтягивающие джинсы, короткая теплая куртка с меховым капюшоном, яркий макияж, цветастые огромные серьги до плеч. Очевидно, что спутницу Сотникова в палате его дочери он во мне не узнал — не мудрено, я и сама теперь себя не узнавала.

— Вовсе не скучно! Ты же знаешь, весной я тоже хочу начать гонять, — я разговаривала с Мишей, а сама косилась на его собеседника.

— Миша, представь меня своей очаровательной сестре! — вдруг вступил в разговор врач, а я подумала, это прозвучало немного старомодно, но очень мило.

— Женька, это Макс. Макс, это Женька. Сама не знает, что хочет от жизни. Вот, таскается за мной.

— Евгения, вам не стоит заниматься мотоспортом. Девушкам так рисковать не следует, — начал Максим, и я еле сдержалась, чтобы не поморщиться.

— И чем же, простите, следует заниматься девушкам? — поинтересовалась, а сама подумала, что как-то прям не получается у меня с этим человеком законнектиться — что ни скажет, так бесит просто.

— Ну как же! Выставки, театр, музыка, — на полном серьезе произнес этот сноб. К счастью объявили, что до старта осталось пять минут, и наш разговор прервался. Иначе я бы съязвила, после чего шансов на продолжение знакомства могло и не появиться. Хорошо, хоть Миша нашелся и сказал:

— Предлагаю после трассы сходить втроем в пивной спортбар. Я знаю один отменный.

Я с замиранием сердца взглянула на Литвинова, который уже почти забыл про нас, собираясь выводить мотоцикл на старт. Однако протестовать мужчина не стал, более того, согласился, улыбнувшись. Оказалось, что он даже почти симпатичный.

— Конечно, мне будет приятно с вами побеседовать, молодые люди, — пробормотал он себе под нос, но я услышала и улыбнулась так, как будто уже что-то выиграла. На секунду мужчина все же вышел из своего предстартового транса и взглянул на меня восхищенно. Похоже, я все-таки смогла его заинтересовать. Осталось, чтобы это получилось и у меня в его отношении. Ведь вся возня именно в этом: проникнуться врачом.

Соревнования оказались довольно интересными. В первый час. На пятом, я уже не знала куда себя деть. Народ вокруг радовался жизни, выпивал, орал. Я периодически покидала павильон, сбегая из слишком прогретого, а потому душного помещения, и дышала свежим воздухом.

Когда мотоциклисты начали возвращаться на базу, я вздохнула с облегчением. Победителя объявили только через полчаса. Это вам не беговой спринт, где тот, кто пересек первым финиш, и есть первый. По итогам подсчета очков, штрафов и чего-то еще, Миша оказался восьмым, а Литвинов взял серебро.

— Ребята, я угощаю! Поехали в вашу пивнуху! — подошел к нам объект моей охоты, сияя лицом. А я подумала, что такие яркие эмоции положительно влияют на мое восприятие этого человека, и делают его менее надменным.

Мы погрузили мотоциклы мужчин в фургон Ребуса, уговорив Максима ехать сразу вместе с нами, и понеслись в город. Через час или чуть больше мы расположились в уютном баре под многообещающим названием “Все на победу” и заказали первые десять литров пива.

6

Открыв утром глаза и оценив окружающую обстановку, я как-то сразу поняла, где нахожусь. Будучи законопослушным человеком, я не попадала ранее в такие ситуации, однако криминальные сериалы в нашей стране видел каждый. Я – не исключение. Это был обезьянник.

— Миша! — я сползла с лавки, на которой лежала, и пошатываясь, подошла к парню, который спал, прислонившись спиной к стене. Наш третий товарищ храпел в углу, развалившись прямо на полу. Джентльмены! Отдали лавку даме. — Миша! Вставай!

Ребус потянулся всем телом, продрал глаза и выдавил из себя:

— Лен… Женя! Какого мы так нажрались? Голова раскалывается!

— А кто вчера орал, что мы должны попробовать все сорта пива в этом богоугодном заведении в количестве не меньше литра? И вообще-то нажрались вы, я так, чуть пригубила. Ну или не очень чуть,— попыталась посчитать я, а парень сморщился.

— Ты что-то помнишь? У меня флэшбэки только того, как нас вязали. Почему у меня болит рука?

— Я — все помню! — я закрыла глаза, восстанавливая в памяти ход событий. В голове пронеслась яркая вспышка, а с ней и картина того, как Ребус замахивается и прорубает полицейскому справа в челюсть. Я застонала в голос, а Миша испугался:

— Что случилось? Плохо?

— Очень! Нам конец! Ты на руку свою правую глянь! Спаситель убогих и обиженных! Ты помнишь, как полицейского вчера вместо груши боксерской использовал?

— Я? Зачем? За что?

— Он меня обозвал, — вспомнила я. — Как-то так… Не помню… Я много смеялась, а он … А, сказал, что я обдолбанная. Вот! А ты сказал, что это он сейчас будет. И долбанул!

— А-а, так вот почему плечо и костяшки побаливают, — протянул Миша, рассматривая свой кулак. — Странно, что нас не убили после этого. Наговаривают все же на наших ментов: исходя из слухов, они в фарш нас превратить могли за такое. А тут смотри-ка, вообще не тронули. А где Макс?.. Хей, Макс, вставай! Попросимся в одной камере срок отбывать, с тобой весело! Но ты старый и умрешь раньше, — крикнул Миша, а наш эскулап только громче захрапел.

Парень поднялся на четвереньки и пополз к Литвинову. Не сразу, но ему удалось разбудить мужчину. Когда тот открыл глаза, воскрешать в памяти цепь событий мы начали уже совместно. Трое умственных инвалидов — это же один почти полноценный человек.

Это было утро чудных открытий. Мы не вспомнили, кто из нас первый предложил: “А давайте погоняем на мотоциклах по городу!” Но кто бы это ни был, он лишь предложил, а поддержали все трое. Так что в текущем дурдоме виноваты все.

Ужас ситуации заключался в том, что нас задержали. Оказалось, было за что: вождение в нетрезвом виде, порча имущества, сопротивление при задержании: Максим на всем ходу впечатался в припаркованную машину, Миша дал в морду полицейскому и все мы при этом лыка не вязали. Я, вроде как, ничего такого не совершала: на мотоциклах сидела за спинами у мужчин, в драку не лезла, глупости не придумывала. Я и правда вчера выпила не так много, но почему-то, заразившись общим безумием, вела себя как слегка шальная. А потому и в обезьянник загремела вместе со всеми.

Память с удовольствием подкинула, как я полночи хохотала, подогревая обстановку и доводя ее то ли до уровня шабаша, то ли вечеринки в психушке. Помню одну из своих самых удачных шуток той ночи: когда нас заперли втроем в клетке в полицейском отделении, я беспрестанно выкрикивала, что у нас творится настоящее “мжм”, ведь в тюрьму посадили Максима, Женьку и Мишу. Да, я все помнила! Но лучше бы забыла. Стыдно!

Судя по всему, мое новое имя мне очень полюбилось, так как даже будучи подшофе, я ни разу не вспомнила, что Елена. Так что я — великий конспиратор, это бесспорно. Единственное, что идет в разрез с этим утверждением, это мое маниакальное желание всем рассказать, что я обладаю суперсилой. Похоже, это была самое яркое впечатление ночи, так как первое, что спросил Максим, очнувшись, это с какого рожна я каждому менту представлялась как “могущественная волшебница” и обещала удачные расследования и даже генеральские погоны, если полиция нас отпустят и позволит проникнуться их добротой. М-да, похоже я и правда была не в себе.

С чего вдруг мы так безумствовали, никто так и не понял. Скорее всего, куражность поведения была прямо пропорциональна полученному до этого стрессу. Со мной все очевидно: моя жизнь сплошные американские горки — по идее, мне прямой путь в психушку, а что там за триггеры были у мужчин, сказать сложно. На стадии слез и воя на луну они что-то такое про себя рассказывали, но воспоминаний не сохранилось. Кэш моей памяти об этом временном отрезке очистился с рассветом.

— Слушайте, это надо решать очень быстро и сейчас, — сказал Максим. После бурной ночи мужчина выглядел на свой возраст, хотя до этого я бы в жизни не дала ему больше сорока лет. Впрочем, сегодня все выглядели как пенсионеры, отработавшие всю жизнь на шахте. — Нужен мой сотовый, — пробурчал врач, и я решила действовать. Подойдя к решетке, я начала кричать, требуя “товарища полицейского” срочно подойти. Откликнулся дежурный, с недовольным видом он подошел к нашей камере временного содержания.

— Что надо? Скоро Павел Васильевич придет, оформит вас.

— А Павел Васильевич кто?

— Дед Пихто. Придет — узнаете.

— Молодой человек!.. — начала я, но, меня перебили.

— Лейтенант Процко, гражданка. А вот с вашей личностью, волшебница, еще разбираться будем, — полицейский заржал, а я пошла ва-банк. Состроив на лице выражение кота из мультика “Шрек”и попросила как можно жалобнее:

— Лейтенант! Вы не могли бы дать нам позвонить. Я вот считаю, что мы просто обязаны поздравить вас с прошедшим днем защитника отечества. Но для этого нужно позвонить. Ну пожалуйста!

Выбрать образ страдалицы, вместо не получающейся никогда соблазнительницы было хорошей идеей. Только я совсем забыла, что больше не нежная эльфийка: после смены имиджа мой невинный вид потерянного ребенка уже не работал. Сейчас я, скорее, была похожа на героиню шоу “Пацанки”. Поэтому вместо того, чтобы растаять и есть с моих рук, Процко почесал свое кругленькое пузо и ответил:

— Не положено!

На этом этапе подключились мои Чип и Дейл.

— Лейтенант, Женя дело говорит. Такого хорошего человека точно нужно поздравить. Дорого-богато! — гаркнул Миша, а Максим добавил:

— Сможешь съездить отдохнуть. Ведь ваша служба и опасна, и трудна… Ведь не оформляли же…

— А протокол задержания… — пробормотал Процко, но осекся. Глядя на наши три прильнувшие к решетке физиономии, лейтенант поплыл. Похоже на самом деле смотрел он сейчас не на нас, а на себя, лежащего где-нибудь на тайском пляже и попивающего самбуку. Почему самбуку, я не знаю, но именно это слово пришло мне голову. Однако же придется раскошелиться. Надеюсь, у мужиков больше средств, чем у меня. Впрочем, они творили, они пусть и платят.

Мы договорились и Процко принес телефон врача. Тот набрал какой-то номер, на том конце ответили, и состоялся следующий разговор.

— Здравствуйте! Нет-нет, тут все по-прежнему, не лучше и не хуже. Дело в другом, — наш доктор явно нервничал. Собеседник что-то сказал, после чего Литвинов продолжил:

— Да, тут такое дело. Я в полиции…

— …..

— Нет, не за это. Не врачебная ошибка. Пьяный дебош…

— ….

— Нет, я в своем уме. Нужно, чтобы вы меня вытащили. Да! Нет! Конечно! Вообще без вопросов! Да, Олег Андреевич, жду. И со мной двое товарищей… Да! Спасибо! Вы мой спаситель!

Максим нажал отбой и обратился к лейтенанту:

— Могу перевести сейчас вам на счет, но может, лучше налом? Безопаснее.

Тот очень хотел все и сразу, но перевод — это очень доказуемо, поэтому вздохнув, лейтенант согласился:

— Пусть этот ваш благодетель отпустит вас, потом принесешь.

Полицейский ушел, а я сидела и думала над тем, как выбираться из засады. То, что я попала, это понятно. Олег Андреевич это же Сотников? И он придет? Ему же очень-очень важно, вытащить врача своей дочурки? Я сделала огромные глаза, показывая Мише, что мы попали. Он сначала не понял, но я пояснила, обратившись к Максиму, который опустившись на пол, согнул ноги в коленях и положил на них голову.

— А кто такой Олег Андреевич?

— Мой пациент. Точнее, отец пациентки. Его дочь в коме, я наблюдаю.

Та-дааам!

Выражение лица Ребуса стало очень понимающим. На камеру опустилось молчание. Максим мучился с похмелья, я сидела и ожидала конца света, а Ребус размышлял. Через минуту он сел рядом и прошептал:

— Не факт, что придет лично.

— Надеюсь, Зарецкого пришлет, хотя тот еще глазастее. Мутант, — вздохнула я.

Спустя час моя логика наконец завелась, и я поняла, что версия с личным приходом сюда самого Сотникова и даже Артема не выдерживает критики. Зачем им сюда топать? Олег должен позвонить нужным людям. И все.

Это обнадеживало. Однако ничего не происходило. Спустя час нашей могучей кучке стало откровенно плевать, кто за нами явится. Даже мне. Нас мучила жажда. Так что я лично поклялась: тому кто даст мне воды, я лично поставлю памятник ещё при жизни. Даже Олегу. Процко своей выгоды не учуял, так что на нашу просьбу дать водички ответил громким хмыком.

В камере мы провели еще полчаса, после чего к нам спустился еще один полицейский. Уставший и невыспавшийся — не с нами ли он пил ночью? Мужчина крикнул лейтенанту:

— Отпускай этих троих! Слава богу, оформлять не начал, а то вся работа насмарку была бы, — затем он обернулся в сторону нашей клетки, глядя как Процко открывает ее замок и сказал:

— Я бы порекомендовал вам всем стать очень законопослушным. В этом городе каждый полицейский будет знать, что вас в случае чего можно бить. Вы же именно так относитесь к нашему брату?

— Что вы, капитан, я ни-ни. Уважаю и люблю полицию. А ночью — это магнитные бури, — ответил за всех Максим, хотя вовсе не он был главным Рембо этой ночью.

— Ну-ну, — протянул непредставившийся. — Девушка, бросайте его. Это дорога в никуда, — добавил мужчина. С этими пророческими словами он нас и покинул.

— Не мент, а прям Будда, — прошептал Миша, а я ткнула его локтем в бок. Сначала нужно отсюда свалить, а уж потом зубоскалить.

— Фургон и мотоциклы на штрафстоянке, — гаркнул Процко и протянул нам бумажку. — Заберете. Это за углом.

Мы поблагодарили и, пообещав завезти лейтенанту деньги сегодня, вышли на улицу.

В город пришла весна. И на календаре и в воздухе. Полуденное солнце растопило лед и хилый снежок на асфальте, превратив их в мерзкую жижу. И все же настроение поползло вверх, а сердце быстрее погнало кровь в венах в предвкушении грядущего чуда. Скоро-скоро природа проснется, мы снимем теплые куртки и сапоги, задышим полной грудью и почувствуем дружелюбие окружающего мира. В момент нашего не метафоричного, а реального освобождения мне вдруг очень захотелось зелени в ветвях и бабочек, порхающих в цветах.

Весна по желанию не ускорилась, а вот бабочки появились. Не вокруг — внутри. Мы стояли втроем, пытаясь разобраться, в какую сторону шагать. Оглядевшись, я увидела, что возле отделения припаркован большой черный джип. Сотников собственной персоной. Мужчина стоял рядом с машиной и курил. А также смотрел в нашу сторону с прищуром.

Да твою ж ты…

Врач рванул к нему, попросив нас подождать. Я автоматически засунула руки в карманы и сгорбилась, пряча лицо в воротнике. Очень боялась, что Олег меня узнает. И вместе с тем… я надеялась, что узнает. Обманщик, манипулятор, убийца — да, безусловно. У меня, идиотки, поджилки трясутся от страха, но вместе с тем кожа горит от желания почувствовать на ней прикосновения бывшего Кирилла, а ныне Олега Сотникова.

Незаметно я вновь скосила взгляд в сторону мужчины. Он был укутан в лоск и благополучие, которые ранее в нем угадывались, а теперь вылезли наружу. Дорогое черное пальто, деловой костюм, ленивые и небрежные движения властителя мира — как я раньше не поняла, что такие, как он, уже рождаются богачами и точно не становятся безопасниками. Ройсу до него далеко. Дима локтями пихался, чтобы стать “дорогим”: с энергией маньяка муж окружал себя красотой, но все равно немного не дотягивал. А такие, как Сотников-младший на завтрак ложками жрут благополучие и черную икру, формируя вокруг себя ауру успеха. Впрочем, Олег все же не дно: он даже в армии служил — есть в нем стержень.

К моей радости, мой бывший любовник меня не узнал. Представила себя со стороны: лохматые, короткие, почти черные волосы, потекший по лицу макияж — прекрасная маскировка получилась. Однако, не только я сменила масть, Олег тоже стал другой. Он говорил, что его родные волосы могут вернуться в любой момент, так вот, это, по-видимому, и произошло. Темно-русые или каштановые — с такого расстояния плохо видно, оформленные в красивую стрижку, они завершили образ нового для меня человека. Сейчас, глядя на него, я до конца приняла тот факт, что это Олег Андреевич Сотников — успешный бизнесмен, знающий себе цену.

Миша явно почувствовал неладное и, проследив за моим взглядом, понял, на кого я смотрю. Уж кого-кого, но Сотникова он знал. Имел опыт даже следить за ним.

Выматерившись, парень схватил меня за локоть и сделал шаг в сторону штрафстоянки, не став больше ждать Литвинова.

— Женя, погодите! — крикнул Максим, увидев, как мы с Ребусом уходим. Не стесняясь того, что его слышат все вокруг, он крикнул мне вдогонку:

— Женечка, вы разрешите вам позвонить? Я хочу пригласить вас на ужин.

Не разворачиваясь, так как Олег продолжал наблюдать за нами — я чувствовала его взгляд, ответила:

— Конечно!

После чего мы наконец-то завернули за угол, скрывшись от потенциальной опасности.

7

Объяснять разъяренной Кристине, куда мы с Мишей исчезли почти на сутки, нам пришлось долго. Девушка успела понервничать, а узнав, что с нами случилось, обиделась и удалилась в свою комнату, запретив нам туда заходить. Вышла она из нее к вечеру. Ребус уже успел умчаться — у него был сложный график: часто он работал с обеда и до поздней ночи, а я отсыпалась после тюремных приключений.

— Лен! Я запустила видео! Так просто они его удалить не смогут. Копию направила в полицию, следственный комитет и прокуратуру. Заявление в полиции о пропаже сестры я уже писала, но завтра посещу их напомнить о себе. Чтобы не отлынивали.

Я не сразу поняла, о чем она говорит, а когда сообразила, почувствовала испарину. Мы начали войну. Надеюсь, нас в ней не разотрут в порошок.

— Они тебя не вычислят? Не узнают, кто это выложил? — с тревогой спросила я. Девушка почесала нос, смешно его сморщила и покрутила головой.

— Нет, на нас они не выйдут. Хочешь посмотреть?

Не дожидаясь ответа, она поставила ноутбук передо мной и включила видео. Количество просмотров росло как на дрожжах, к утру это станет настоящей сенсацией. Я смотрела на кадры как завороженная, жадно впиваясь глазами в седовласого Олега. Выстрел, падение девушки — в это невозможно поверить: мужчина, с которым я спала и который успел занять значительное место в моем сердце, убийца. Это не аффект и не самозащита, это — выстрел в спину. Опять накатила знакомая тошнота, я понеслась в туалет, выворачивая содержимое желудка в унитаз.

— Не, родная, я тебе это больше не показываю. Ну тебя, с твоими рвотными рефлексами, — сказала Кристина и, зевнув, развернулась в сторону своей комнаты. — Приготовься, завтра встаем рано. Поможешь мне добраться до полиции.

А на утро мы узнали, что нас переиграли. Видео исчезло из сети. Кристина обрыла весь интернет, так как не поверила своим глазам, но факт оставался фактом.

— Знаешь, Крис, — протянула я, задумавшись на ситуацией. — А ты уверена, что нам стоит идти в полицию? Не думаешь, что они сопоставляют видео и твой приход? А на выходе нас встретят. Или потом сдадут. Глупая затея! Может, и хорошо, если про тебя там забыли?

С утра я лучше понимала ситуацию. Как вообще можно было на такое решиться?

— Ты права, — удивительно легко согласилась девушка. — Но все же я должна что-то сделать. Пошлю анонимное письмо, где расскажу, кто убил Настю. Положу туда флешку с видео. Шансов мало, но органы все равно обязаны проверить. Эх, ажиотаж в сетях очень помог бы, но эти твари тоже не лыком шиты! За одну ночь все вычистили! — Кристина была на удивление сдержана, словно и так знала, что ничего не получится. На ее лице читалась досада и тоска, но при этом, надо отдать должное, хакерша старалась не выплескивать лишний раз эмоции на мою голову. Я попыталась донести до неё свою мысль.

— Послушай! Я понимаю, ты хочешь отомстить, но мне кажется, что тем самым мы можем себя похоронить. Кем надо быть, чтобы победить таких людей? — размышляла я. — Мне кажется, их проще застрелить, но не забыть после этого застрелиться самим…

— Это я оставила на крайний случай. Ладно, пошла я писать бесполезные письма. Как там твой врач? Вышел на связь? — как бы между прочим спросила Кристина, а я хотела ответить отрицательно, но не успела: мой сотовый звякнул входящим сообщением.

“Женечка! С тобой было очень по-настоящему! У меня два предложения. Они идут в комплекте. Первое: мы идем в ресторан. Второе: ты учишься кататься на мотоцикле. Ты согласна?”

Прочитав, я впервые подумала, что действую неправильно, и мне будет сложно “увидеть” этого человека в таком контексте. Я гожусь ему в дочери… Путь флирта и свиданий может

завести нас не туда. Как-то неправильно все. Задача состоит в том, чтобы очароваться, а не очаровать.

— Что? — спросила Кристина, а я вспомнила, что она ждет комментарии.

— Написал, что зовет в ресторан. Хочет научить меня водить байк.

— А подарить он байк тебе не хочет? А вообще, знаешь, учись! Погоняешь немного, а потом рядом в инвалидном кресле будешь со мной, — зло пошутила девушка, но уже спустя пару секунд одернула себя и, извиняясь, добавила:

— Я могу сделать тебе права. Я такое не раз проворачивала. В наш цифровой век это даже несложно. Вношу тебя в базу на выдачу, и ты получаешь их официально.

— В жизни бы не подумала что такое возможно! — не уставала поражаться я.

— Это могут не все. Я поднаторела. И это гораздо проще, чем взломать систему безопасности “Музы ночи”. Сотаровцы привлекают намного более крутых специалистов. А вообще, я зарабатываю на этом. Иногда. Настя бы не одобрила, но ее больше нет… Это все не на массового потребителя, так как дорого и очень подсудно. Я звезда даркнета, ты не знала? Только тс-с… Если что, сидеть мне не пересидеть, — пошутила, не шутя, Кристина. Я усмехнулась совсем не весело, и с сомнением глянула на девушку.

— Спасибо, конечно. Только права мне делать, наверное, все же не стоит. Есть вероятность, что так меня, а затем и тебя вычислят.

— Не учи ученого! Женечка. Сделаем тебя Женей Ваниной, — усмехнулась она.

— Почему Ваниной?

— Это моя фамилия, сестричка. И у меня действительно есть двоюродная сестра по имени Женя. Мы с ней не общаемся, но знаешь, по иронии судьбы, сейчас ты очень на нее похожа.

— Но, может, у нее уже есть права?.. — недоуменно уточнила я, на что хакерша лишь махнула рукой.

— Нет, она трусиха. И потом, на байк она точно не сядет. Так что это сто пудов прокатит. И все штрафы если что — ей, — злорадно хохотнула Кристина. — Вот она удивится! Шучу. Будем их сами сразу гасить. Ну как? Хороша идея? Елена Безымянная?

— Просто отличная, Кристина Ванина, — с этими словами я протнула хакерше руку. Девушка с готовностью ее пожала, и на мгновение у меня возникло волнительное ощущение, что мы, наконец-то, познакомились. И именно в эту секунду лед между нами треснул: я почувствовала что-то такое… необъяснимое. Похоже, я “увидела” эту девушку, а потому на всякий случай уточнила:

— Крис, у меня глаза не светятся?

— Неа, — вглядываясь в мое лицо, протянула девушка.

— Жаль. Наверное, и правда, только на мужиках работает, — расстроилась я.

— А чему удивляться? Так всегда было. Мужчинам всегда самое интересное. Вот вспомни: Дамблдор, Волан-де-Морт, Гарри Поттер… все крутые волшебники — мужики!

— Погоди-погоди, — включилась я в игру, — а как же Гермиона и Макгонагалл?

— Всего лишь для фона, Лен, только статисты. И ведь историю писала женщина, а все равно дискриминация, — Кристина аж вспыхнула от возмущения, а я засмеялась.

— Мы сломаем систему, Крис. Вот я разберусь в своих способностях, и мы точно что-нибудь придумаем. Я уверена, что прежде чем мстить или делать что-либо подобное, нужно понять, с чем мы имеем дело. Может быть, зря я сбежала. Но теперь дороги назад нет, — задумчиво произнесла я.

Кристина в ответ неопределенно покачала головой и покатила к себе выстраивать алгоритмы возможных действий, а заодно зарабатывать даркнетовские капиталы на наши далеко идущие планы. На мое предложение найти себе работу, она отмахнулась:

— Тебе сейчас совсем другим заниматься нужно, проживем на мои.

Через несколько дней состоялся наш с Максимом выход в свет. Мужчина не тревожил меня все это время, позвонив утром в пятницу.

— Женечка, я забронировал столик. Куда за вами заехать? — спросил Литвинов, а я ответила, назвав адрес соседнего дома: так мы договорились с Кристиной. Я зайду в подъезд и выйду, когда мужчина мне позвонит. Да, выглядит странновато, но сливать адрес человеку, связанному с Сотар, не хотелось.

Договорились встретиться в восемь. Из дома я вышла пораньше: пришлось торчать полчаса на чужой лестничной клетке. Ключ от домофона выдала мне Кристина, я даже не стала спрашивать откуда он у нее. Мне казалось, что из нас двоих волшебница все же она —айти и хакерство в нашем мире это же тоже своего рода магия, и, по-моему, гораздо более эффективная, чем мое не пойми что. Я девушке так и сказала: “Ты — владеешь магией, а я — мутант!” Кристина грустно ответила, что ее магия не может поставить ее на ноги, а вот в мою она в потенциале все же верит.

Я спрашивала, что с ней случилось, почему она инвалид. Оказалось, это несчастный случай. Кристина в прошлом мотогонщик. Родители девушек тоже давно умерли, они росли предоставленные самим себе — тетка, на чьем попечении они были, особо не занималась их воспитанием.

Для Крис смыслом жизни стали байки и кибер-технологии, а Настя училась в университете на дизайнера. После аварии врачи сказали, что требуется очень дорогостоящая операция, которую в России не делают. Девушки пытались собрать деньги через фонды, искали меценатов. Кристина устроилась работать на Сотникова-младшего — платили хорошо, но собрать сумму все же было невозможно. До исчезновения Насти она не занималась ничем незаконным, а поэтому финансовая ситуация не располагала к накоплениям. После того, как компания Сотникова слилась с Сотар и Кристину уволили, стало совсем тяжело. Крис устроилась в другое место, но там платили не очень, отношение к инвалидам и их трудоустройство в нашей стране — это отдельная история. Ну а дальше Настя исчезла, а Крис нырнула вглубь даркнета, забыв об операции и поставив себе только одну цель: найти сестру.

Максим немного задерживался — никогда не любила непунктуальных. Он словно специально не давал мне ни одного шанса хоть за что-то им проникнуться.

Благо, на лестничном пролете третьего этажа я обнаружила старое кресло. Кто-то из соседей поставил его непонятно для каких целей, а воспользовался им я. Так и сидела в своем пуховике, скрывающим красивое шерстяное платье-футляр темно-изумрудного цвета. Крис заставила меня нарядиться сексуально. По ее мнению, красивая женщина вызывает в мужчинах не только похоть, но и поэтику. И, может, хоть это мне понравится в Литвинове.

Когда врач позвонил, я была почти в ярости. Ждать лишних полчаса я точно не планировала. Однако выйдя из подъезда, немного успокоилась. Мужчина выглядел безупречно, а опоздание объяснил срочным вызовом в больницу. Усадив в роскошный мерседес, Максим повез меня в один из самых дорогих ресторанов города. На этом этапе я его почти простила.

Наш столик располагался в углу, загораживая нас от общего пространства стеллажом с цветами и другими предметами декора. Таких уютных закутков в ресторане было множество — гостям создавали ощущение уединения и при этом не запирали в закрытом пространстве кабинок: зал был огромен, и расстояние между столиками было достаточно большое. Это место называлось “Лабиринтом” и весьма удачно, на мой взгляд, так как причудливость интерьера создавала именно это впечатление.

С места, куда меня посадил Максим, я видела входящих гостей и могла следить за ними, пока администратор не прятал их, уводя за столики.

— Женя, предлагаю белое сухое. Тут отлично готовят сибаса, рекомендую, — не дождавшись моего согласия, мужчина тут же сделал заказ вежливо ожидающему официанту.

Основной вывод о Максиме Федоровиче Литвинове я уже сделала. Он привык решать все за других, особенно за женщин. Кто-то признал бы это старомодностью, кто-то — ретроградством, а кто-то и того хуже — абьюзом.

И тем не менее минут через десять я расслабилась и вобщем-то начала наслаждаться нашим общением: как бы то ни было, Литвинов был образован, успешен и уверен в себе. У него были хобби, драматичное прошлое и чувство юмора. Прекрасный набор, а потому слушать его было интересно.

В какой-то момент мы заговорили с ним о его пациентах. Работу он обсуждал с неохотой, но я специально переводила разговор на самую героическую часть его жизни — мне нужно было им впечатлиться.

— Максим, а в какой клинике вы работаете? — спросила, делая вид, что потягиваю вино. Оно было очень вкусное и ароматное, я это помнила: в мою бытность миллионерши, Дима изредка позволял мне пить такое. С алкоголем у нас тогда все было строго, так как мы готовились забеременеть. Однако, на приемах с ройсовской богатой тусовкой или на наших личных праздниках он вручал мне бокал-другой.

Несмотря на элитность сорта и дороговизну бутылки, мне вино не пилось. После нашей с мужчинами пьянки почти недельной давности запах спиртного все еще вызывал тошноту. Это относилось не только к вину: вчера, например Кристина предложила выпить пивка, но меня от запаха чуть не вывернуло. Она еще и селедку открыла. Это вообще была пытка — я лишь морщилась и требовала мяса.

Так что выбор Максима оказался крайне неудачным: алкоголь и рыба. Впрочем, сибаса я все же ела, но без особого аппетита.

— Крупная частная клиника, только для корпоративных клиентов, — ответил мужчина. — Но если что, для вас Женечка, я всегда могу договориться и вас примут лучшие врачи. Однако же, вы так прекрасны и сияете здоровьем! — отсалютовал мне бокалом Максим.

— Скажите, а как вы потом за руль, вы же пьете?.. — вдруг осознала я.

— Не переживайте, нас отвезет мой водитель, я его вызову, когда мы закончим. В день соревнований и, особенно, ночь после я мог показаться вам безрассудным, но это, скорее, исключение из правил. Обычно я очень зауряден и даже кажусь нудным в части выполнения правил, — признался Литвином с легкой улыбкой.

Да-да, ты — душный!

— Женечка, вы не против перейти на “ты”? Мне кажется, самое время после всего, что мы вместе пережили, — предложил мужчина, и я с радость согласилась.

— Конечно, Максим! — ответила я. — А какие болезни ты лечишь? Кто твои пациенты? — поинтересовалась я.

Все эти вопросы мы обсуждали уже, конечно, во время той памятной ночи. Даже рыдали с Ребусом, утверждая, что Литвинов достоин правительственной награды. Не помню за что. Но нужно было общаться и сейчас, а врачебная тема — очень обширна, даже бесконечна. Кроме того, я не была уверена, что из того потока сознания, что запечатлелось в моей голове, правда, а что нет. Сейчас мы с Литвиновым трезвые и скучные, так что можно обсудить все по второму разу.

Максим Федорович тем временем посмотрел мимо меня. Вместо ответа, он кивнул головой в сторону нашего стеллажа. Я удивленно повернула голову. В просветах между полками очень хорошо просматривалась входная дверь, из-за которой в данную секунду показался администратор, направлявший новых клиентов к их столику. Сердце прыгнуло в горло, а голова закружилась: в ресторан зашли Олег Сотников и Тина Вернель собственной персоной.

Я поймала флешбэки и ядовитый укол ревности. *Не страдает, гад! По ресторанам мутанток водит!*

Максим, не заметив моей реакции, тихо прокомментировал:

— Да вот как раз и они. Точнее, он. Дочь этого мужчины сейчас в коме, и я её наблюдаю. Надо же, какое совпадение! Олег Андреевич вытащил нас из полиции, помнишь, Жень? И вот опять тут как тут.

8

— И что, есть надежда? — как можно более нейтрально спросила я, цепляя вилкой кусок брокколи с тарелки. Сотников и Вернель скрылись за перегородкой, закрывающей их столик и создающей для них полный приват, а я боролась со своим совершенно неуместным желанием вскочить и устроить предателю разнос. За все: за то, что он преступник, за то, что использует меня, за то, что прямо сейчас мне изменяет.

У Вернель аура, а это значит, что она умеет соблазнять. Я видела, как она может решать вопросы, как недовольные клиенты вдруг начинают заглядывать ей в рот. Так, может, она и Олега приворожила? И что? Они поужинают, а потом в постель?

— Вас что-то тревожит?.. — пробился ко мне голос Максима.

— Нет-нет, так, ерунда всякая в голову лезет, — отмахнулась я. — Простите, со мной случается.

— Вы спросили про дочь Сотникова. Так вот, я ни в чем не уверен. Есть экспериментальное лечение, и Олег Андреевич очень хотел бы, чтобы я попробовал. Это смесь препаратов, активирующих клетки головного мозга. Но это слишком рискованно, и я не мог решиться, — сказал Литвинов, отпивая вино. Максим тоже ненадолго задумался, и я увидела, он что действительно неравнодушен к своей пациентке. Ему не все равно, а это хороший признак — нужно копать в этом направлении.

— А что будет в случае неудачи? — уточнила я.

— Она может умереть, — пожал плечами мужчина. — Сотников безумно любит дочь, мы попробовали все безопасные методы. Я даже позволил ему приводить каких-то странных личностей: экстрасенсов, шаманов, ведуний. Этот сброд ничем не помог. А недавно директор нашей клиники предложил ему лечение, дав надежду. Стоит оно весьма дорого, на детях его никогда не применяли. Ксения очень мала. Можно, конечно, скорректировать дозу, но… — Максим смял и бросил салфетку в центр стола. — Хотя сегодня утром я подумал, что, может, и стоит попробовать. В худшем случае она покинет этот мир и освободит своего отца от переживаний. Тем более, за свою помощь с полицией Олег Андреевич попросил именно это — отказать я не могу. И теперь мне нужна…

— Что нужно? — спросила я, так как мужчина замолчал, опять погрузившись в свои мысли.

— Удача, Женечка, мне нужна удача! — почти шепотом добавил Максим, а у меня мороз по коже пробежал: это было так созвучно тому, о чем я в этот момент подумала!

— А вы знали Сотникова до этого?

— Нет, Ксюша попала в нашу больницу не сразу. И сам Сотников обратился к нам уже за пластикой лица — после аварии его склеивали другие врачи. Он был совершенно убит горем. Двигался, но был мертв внутри. Умолял вернуть к жизни дочь… А еще он был седым, вы представляете? Совершенно! Потом покрасил волосы. Стал блондином. Видимо, для той девицы… Назвал ее невестой. Вот уж не думал, что он будет на это способен… — Литвинов явно хотел выговориться. Эта тема была для него почему-то болезненной.

— Что за девица? — как бы между прочим спросила я.

— Да я видел ее один раз. Молодая совсем. Как вы, — ответил Максим. — Не поймите меня неправильно. Я не моралист. Вот с вами сейчас сижу, хотя старше вас больше, чем в два раза. Просто Сотников не выглядел тем, кто притащит в свою жизнь юную красотку. Он ощущался таким… семейным, что ли…

— Он же мужчина, почему вы отказываете ему в возможности любить? Жена умерла и довольно давно, но он-то живой, — говоря это, я чувствовала раздражение. Суждения Литвинова не выдерживали никакой критики. Что за человек!

— Да, Женечка, я неправ, наверное! Просто я искренне верю в любовь, которая оставляет в душе след, не позволяя сразу родиться там новой. Впрочем, со мной такого не случалось. Три развода, знаете ли. И вот сейчас смотрю на вас и сердце радуется…

Мы замолчали, каждый размышлял о своем. Мне, например, вспомнилось, как скоро я полюбила Кирилла Брина после развода с Димой… *А люблю ли сейчас? Кирилла — может быть, но не Олега Сотникова.*

Отбросив излишнюю мелодраматичность, я вспомнила о цели моего пребывания за одним столом с Литвиновым и спросила:

— Так, когда вы проведете ваше экспериментальное лечение?

— Начнем через три дня. Курс препаратов — семь дней. На их стоимость можно купить себе остров посреди океана.

— Значит, можно начинать молиться за жизнь этой девочки? — тихо задала я свой вопрос. Хотя в большей степени это была констатация факта.

— Шансов очень мало. Надеюсь, Сотников это понимает. Иногда мне кажется, что он устал от дочери... Может, поэтому настаивает? — сказал Максим, потерев пальцем подбородок.

От этих слов меня передернуло: как же можно быть таким твердолобым? Что у Литвинова с эмпатией? Я не могу проникнуться этим неандертальцем, даром что талантливый врач. Да, Максим Федорович был звездным хирургом: Кристина накопала все его награды и хвалебные отзывы, но человеком так себе. Она нарыла все, что писали в сети о нем его теперь уже бывшие жены, и пришла к выводу, что он относится к подвиду “кобель редкий”. Теперь я очень жалела, что так тщательно исследовала его как личность. Под микроскопом все становятся весьма неприятными людьми, а лучше обманываться, думая самое хорошее до тех пор, пока правда не вылезет наружу. Ведь именно так мы влюбляемся: надеваем розовые очки.

Мы проговорили еще около часа. Я внимательно слушала, а глаза то и дело косили в сторону столика, за которым сидели Олег и Тина. За ширмой они были не видны. Но они были там. Вдвоем!

Почему они так долго? О чем говорят? Вспоминает ли Олег обо мне?

В какой-то момент, я извинилась и вышла в туалет. Максим вызвался мне помочь, чтобы показать, где находятся уборные, а заодно и самому посетить это место. Опасности столкнуться с Олегом и Тиной я не ощущала: уборные располагалаись в противоположенном от их столика направлении, а, заметь, кто-то из них меня, с первого взгляда точно не узнает.

Туалет был большим и просторным, со множеством кабинок. Я собралась выходить из своей, когда услышала голос. Очень знакомый. Это была Тина, она разговаривала по телефону. Все же я очень везучая: выскочи я чуть ранее, и встречи было бы не избежать.

— Артем? Что случилось?.. Ты узнал, кто выложил запись?.. Это невозможно! Я думала на нас работают лучшие спецы. Похоже, она нашла себе очень талантливых друзей. Да, согласна… Олег? Он держится… Мы в “Лабиринте” ... Никуда я его не тащу! Прекрати! Он сам предложил. Не знаю, с чего вдруг! В конце концов, здесь вкусно готовят… Да, передам. Но почему ты сам ему?.. Да, поняла. Хорошо. Увидимся.

Тина прекратила разговор, а потом включила воду. Я замерла в кабинке, стараясь не дышать. Насколько я поняла, она общалась с Зарецким, и они роют землю, чтобы найти Кристину. Однако у них не получается. Это хорошая новость.

Вернель высушила руки и направилась к выходу. Чего, спрашивается, приходила? Может, у этих мутанток отсутствуют естественные потребности?

Я тихонько выбралась из кабины и подошла к раковине. Включив воду и глядя в зеркало перед собой, я зачем-то сфокусировала взгляд и узрела свою ауру. Бледное золото. Смотрится необычно. Я подняла руку и помахала ею, глядя в отражении на то, как моя ладонь, опутанная золотым облаком, источает при движении слабый свет.

Увлекшись созерцанием себя, благо, больше в туалете никого не было, я не заметила, как за дверями в коридоре завязался диалог. Когда я выключила воду, оказалось, что у меня появилась еще одна возможность подслушать. Голоса собеседников не вызывали сомнений: там встретились вышедший из туалета Максим, а также Олег и Тина. Надо же, как всем одновременно приспичило! Похоже, злой рок, ну или удача — как посмотреть — намеренно сталкивает нас вместе.

Я продолжила свое бдение, замерев у раковины и боясь пошевелиться. Выйти я не могла: при близком контакте я все же вполне узнаваема, но любопытство заставляло внимательно слушать. Подумалось, что Максим меня не дождется и, похоже, решит, что сибас сыграл нехорошую шутку с моим организмом. Так себе тема для начала знакомства.

— Максим Федорович, что-то часто мы с вами встречаться стали в неформальной обстановке, — раздался голос Олега, а я усмехнулась. Слушая, я продолжала на автомате отслеживала свою ауру в зеркале и очень удивилась ее реакции на голос мужчины. Похоже, эта субстанция как-то завязана на эмоциях, потому как она начала искриться в унисон с моим участившимся пульсом. Что скрывать, равнодушно слышать голос Сотникова я не могла. Я еще помнила, как и что он шептал мне в яркие мгновения нашей страсти. И зеркало тоже несколько раз было безмолвным свидетелем этих моментов.

— Судьба и правда шалит, Олег Андреевич. Не представите своей спутнице?

— Тина, моя коллега, — ответил Сотников, а Литвинов не унимался.

— А как поживает ваша невеста? Мне показалось, очень милая девушка.

Наступила пауза. Я так напряглась, ожидая ответа, что, кажется, и сердце, и дыхание на паузу поставила.

Когда Олег заговорил, только глухой не услышал бы, как его голос искрит от напряжения.

— Она… в порядке, — ответил он, а Вернель подхватила:

— Олег отправил Леночку на отдых, и вот, скучает…

“Ага, скучает”, — подумала я, а Максим словно озвучил мои мысли:

— Ну да, ну да — скучает!

И так у нас это с ним складно получилось, что я довольно усмехнулась и подумала: "Спасибо, Максим, съязвил за меня! ", в ту же секунду увидев в зеркале чудо: мои глаза засветились. Зрелище, скажу я вам, не для слабонервных. Зрачки и радужка стали похожи на водную гладь, отражающую свет луны. Свечение вовне не выходило, и на фонарики мои глаза похожи не были, но потусторонностью все равно напугать успели.

Я смотрела в зеркало и удивлялась: это ж насколько я примитивная, коль “увидела” Максима за то, что он позволил себе язвительное и вообще-то довольно грубое вмешательство в личную жизнь чужого ему человека, совершенно случайно тем самым потешив мою задетую женскую гордость. О том, что “узнавание” состоялось, сказали не только мои глаза, но и внутренние ощущения: когда Максим произнес то, о чем мне подумалось, я почувствовала удовлетворение, мне захотелось показать эскулапу большой палец.

Ну здравствуй, Максим Литвинов, добро пожаловать в ближний круг ревнивой дешевки — мы с тобой, похоже, с одного инкубатора.

— Вы что-то сказали, Максим Федорович? — вдруг спросил Сотников.

— Я… нет, простите, — раздался голос моего спутника.

— И кстати, вы же послезавтра начинаете медикаментозный курс для Ксении? — перешел на другую тему Олег, не дожидаясь реакции на свой предыдущий вопрос. Литвинов с готовностью переключился.

— Откуда вы… Я как раз собирался вам позвонить и сообщить, что лекарства доставлены в клинику. В понедельник начнем. Но…

— Не пугайтесь! Я боюсь за двоих. Мою дочь нужно лечить, а не ждать, пока она, может быть, придет в себя. Она больная девочка, а не спящая красавица!

— Понимаю, вы — человек дела, но иногда…

— Я уже все сказал. И вы мне должны! — этот мужчина был мне незнаком. Жесткий, безапелляционный, давящий тон делал Олега кем-то, кого я совсем не знала.

— Я вас услышал, и теперь, пожалуй, подожду свою спутницу за нашим столиком, — безжизненно и смиренно ответил Максим. Сотников и Вернель попрощались с ним и остались одни.

— Ты еще хочешь тут оставаться? — вопрос Олега.

— Пожалуй, я готова идти домой, — по-деловому ответила Тина.

— Литвинов считает, что я хочу убить свою дочь, — со вздохом бросил Олег.

— Это так и есть. Почти, — согласилась Вернель. Как всегда, без особых эмоций. — Пойдем к гардеробу, я не понимаю, с какой целью мы застряли возле туалетных комнат…

— Ты говоришь так, словно я убийца… — раздраженно ответил Олег. — Ксюша не встает уже много месяцев. Существует лечение. Я мир перевернул, чтобы это выяснить. Почему никто не хочет меня понять?

— Я понимаю тебя, Олег. Но и ты пойми: Литвинов — хороший врач, а ты выкрутил ему руки с этим экспериментальным курсом. Угрозы, шантаж. Вот он и бесится. Тебе повезло, что он попал за решетку…

Голоса начали отдаляться. Последнее, что я успела услышать, это реплика Олега:

— Кого, кстати, он ждал? Ты видела его спутницу? Она там, в туалете? Эта та брюнетка-алкоголичка, с которой я его из обезьянника вытаскивал?

— Я не видела. Не знаю… Мне все равно, — скорее угадала, чем услышала я ответ Вернель.

Наконец-то все, кто мне мешал выйти из туалета, ушли. Удивительно, что за это время никто больше не воспользовался уборной. Просто удача!

К столику Макса я шла воодушевленной. Я лучше поняла этого человека, а заодно узнала интересные грани своей души — это вполне могло помочь мне с моим даром. А еще… Я смогла подглядеть за так называемой “бандой” из “Музы ночи” — так мы называли с Кристиной “Сотникова и ко”, при этом я не услышала ни от Тины, ни от Олега ничего зловещего.

От преступников ждешь разговоров о том, где закопать расчлененное тело или хотя бы что-то из этой оперы, но ничего такого не было. Эти люди совсем не слышались как матерые убийцы. По сути, они звучали совершенно обыденно. Если бы не запись, я никогда не поверила бы, что Сотников — антигерой. Интересно, а насколько в теме Тина? Есть ощущение, что она одна из близких Олегу людей. Доказательств их любовной связи я не нашла, а вот то, что Вернель — доверенное лицо Сотникова, как и Зарецкий, — это очевидно. Что мы имеем? Трое сообщников, которые делят какую-то тайну.

Сев за стол, я протянула руку и положила ее на ладонь Литвинова. Мужчина сначала нахмурился, а потом вопросительно поднял брови:

— Что случилось, Женечка?

Я очень пристально посмотрела ему в глаза, буквально гипнотизируя и не давая шансов мужчине отвлечься.

— Ваше экспериментальное лечение поможет, поверьте мне, — я сжала его ладонь. — Вам повезет, обещаю. Вы поставите на ноги Ксению Сотникову.

Если Максим и удивился, то вида не подал. В ответ он накрыл мою ладонь своей, слегка улыбнулся и сказал:

— Благодарю за поддержку. Знаете, Женечка, вы вот говорите, а глаза у вас сверкают! Может, это освещение или вино… Но мне лично кажется, это искренние эмоции и ваше чистое сердце… — сказал Литвинов. — Глядя на вас, я начинаю верить в чудо.

В этот момент моя уверенность в компетентности Максима как специалиста поколебалась: где направление к окулисту? Где опасение за мое здоровье? Алё! У меня глаза светятся!

Какое такое чудо, он же врач! Но я откинула непрошенные сомнения. Кто я, в конце концов? Муза же? Значит, будем работать с тем, что есть.

9

Олег Сотников стоял на балконе своего офиса и курил. Лена пропала еще зимой, когда только-только отгремели новогодние фейерверки. И вот наступила весна. Скоро природа скинет гнет зимнего холода и оживет, вздохнув теплый, прогретый солнечными лучами воздух.

В данный момент мужчина мечтал, чтобы его дочь смогла открыть глаза, ожить и тоже увидеть, как появляется зеленая листва, желтеют одуванчики, снимают шапки и теплую одежду горожане.

Неделя уколов — и станет понятно: помогла ли экспериментальная медицина, будет ли Ксюша жить полноценной жизнью. Или все станет совсем плохо.

Ни Тина, ни Артем не понимали, почему Олег так форсирует события, зачем заставляет врача колоть девочке потенциально опасную химию. Причина была. С мужчиной что-то происходило. И он не мог понять, что это — шизофрения или… шизофрения. Какой еще вариант существовал для того, кто начал слышать чужие мысли? Точнее, для того, кому казалось, что он их слышит.

Приступы начались не так давно, а самый яркий случился с ним вчера в “Лабиринте”. Во время разговора с Тиной и Литвиновым, в момент, когда зарвавшийся эскулап попытался сыронизировать по поводу того, что он сменил “невесту” на другую спутницу, Олег услышал гул в своей голове и желание врезать этому шуту. С усилием сдержавшись и не став травмировать врача, Сотников все же успел отметить сложность, с которой он вернул себе контроль за своими действиями. Он мог одним ударом лишиться единственного доктора, которого сам же всеми правдами и неправдами уговаривал провести рискованный лечебный курс. Никто другой не хотел такое пятно на своей карьере — в случае, если девочка умрет, слухов не избежать

Желание бить Литвинова Олег преодолел, но гул в голове нарастал. А через пару секунд в мозгах прорвался голос Максима Федоровича: “Я не готов убивать девочку! Не готов!” Сотников решил, что Литвинов произнес это вслух, несмотря на странный эффект: звуки появлялись прямо в его голове, а не попадали в нее извне. Однако последующая за этим фраза, доконала мужчину окончательно: “Нужно сказать, что стартуем через сутки. Вот на кой мне это?” Олег в этот момент напряженно наблюдал за Литвиновым и чувствовал, как тело прошибает холодный пот: рот врача был закрыт, губы не двигались.

Сотников был в шоке. Больше глюк не повторился. Что это? Заболевание? Он чуть не задал этот вопрос Литвинову. Хорошо, что все же сдержался и не стал этого делать, ведь на кону стояло слишком многое. Если врач заподозрит у Олега психопатологию, он с радостью откажется от лечения Ксюши, вооружившись вполне логичной причиной и отправив его как неадекватного отца на освидетельствование.

Похоже, он все же чокнулся на фоне стресса и нежелания принимать новую извращенную реальность, появившуюся в его жизни вместе с Киреевым. Чего только стоило ему убийство Насти Ваниной! Столько нервотрепки и риска! Эта история не отпускала и сейчас. Видео, распространившееся в интернете, снова напомнило о той страшной ночи, а еще о том, что его асайя, Елена Безымянная, сейчас не одна — кто-то рядом с ней, они действуют вместе. Она кому-то доверяет настолько, что вручила видео и позволила залить его на все возможные платформы. Ярость и облегчение — именно их он ощутил, увидев ролик на экране своего смартфона.

И все же в первую очередь он был рад, что с девушкой все хорошо. По логике: если она пытается сделать ему гадость, значит, она в порядке. Не меньше он радовался и тому, что до Киреева это видео дойти не успело, иначе тот уже звонил бы и требовал объяснений. Они с Зарецким приложили нечеловеческие усилия, чтобы убрать все из сети. Давно он так не дергался.

Нечеловеческие… Это почти правда. Он и сам не понимал, кем был Арт. Тот, кто умеет перемещаться со скоростью спортивной машины в разгоне — это человек? Он видел, как Зарецкий способен “мигать” в пределах нескольких километров. Впрочем, он точно знал, кем был Артем: надежным товарищем, к кому не страшно повернуться спиной. Этого было достаточно.

Сейчас они с ним землю рыли, чтобы выйти на того, кто вытащил это видео в сеть. Это была единственная связующая нить с Леной. Олег был уверен, что если найдет девушку, то сможет все ей объяснить. И она вернется. Добровольно.

Останется ли после этого надежда вернуть ее как асайю — не известно. Правила говорят, что узнавшая о себе правду муза становится по сути бесполезной. Но сейчас уже и не это было важно. Задача была в том, чтобы заставить думать Киреева, что все по-прежнему. Если он узнает о провале его миссии, станет плохо. В первую очередь это будет приговор для Олега: Ройса уже нет, не будет и Сотникова.

Именно поэтому он спешил — все могло плохо кончиться в любой момент. Спешил поставить свою дочь на ноги, потому как в ближайшее время может статься, что он лишится всех привилегий, а, может и жизни: “Сотар Хоспитал” вместе с “Сотар-Р” помашут ему ручкой, его самого убьют или как минимум закроют в психушке — в любом случае все планы насмарку и жизнь под откос. Там, где она, собственно, и была уже давно. Если бы не дочь, которая еще дышала. И если бы не появление в его жизни Елены Безымянной.

Музу Олег почти потерял. О потере дочери он даже думать не хотел. Выдыхая сигаретный дым, мужчина пытался настроиться на этот опасный рывок, убеждая себя, что он прав, что все будет хорошо. Мужчина не слушал мерзкий голосок, который нашептывал, что врачи не просто так шарахаются от того, на что он подписал свою дочь — это действительно смертельно опасно.

“Почему я не родилась асайей? Быстро разгребла бы это дерьмо. Вместо того, чтобы всю жизнь…” Олег вздрогнул, когда в голову вдруг вторгся женских голос. Сигарета выпала из его рук. Он нервно обернулся, спешно ослабляя узел галстука. *Что за?..*

— Олеж, ты как? — в проеме балконной двери стояла Тина собственной персоной.

— Ты хотела бы быть музой? Серьезно? — спросил Сотников, с напряжением вглядываясь в лицо сонары. Вернель в их троице была самая закрытая. Много помогала, но всегда держала свои чувства при себе. — Чтобы тебя дрессировали и использовали?

— Как будто у кого-то это не так… Погоди, с чего ты решил? Олег? Ты бледный, словно увидел привидение, — нахмурилась женщина. “Как он узнал? Что с ним происходит? Что будет с нами со всеми?”

— Твою мать! Тина! Я слышу твои мысли! Вызывайте скорую! — проревел Олег, напугав Вернель до чертиков. Она отпрянула, сбегая с балкона в кабинет от почти безумного взгляда мужчины. Вытащив сотовый, набрала Артема, наблюдая, как Сотников тоже покинул балкон, подошел к столу и медленно сел в свое кресло — и все это с таким видом, словно серьезно болен.

“В траве сидел кузнечик, в траве сидел кузнечик, в траве сидел кузнечик”.

— Зелененький он был. Тина! Прекрати!! — взвился мужчина, хватаясь за голову. Вернель взвизгнула и отскочила к входной двери.

— Твою ты! Охренел! Сотников! Иди нахрен из моей головы! Как ты?.. Как это?.. Нахрен!

— Эй, ребята! Что у вас тут? — Зарецкий резко распахнул дверь, задев ею Тину. Она вскрикнула, пошатнувшись и схватилась за плечо. Артем поймал ее и приобнял одной рукой, после чего уставился на выглядевшего чумным товарища.

— Я тебя не слышу, Арт. Но вижу. Картинки, — Сотников закрыл глаза и начал качаться из стороны в сторону, став похожим на участника “Битвы экстрасенсов”. — Вот сейчас я вижу

себя. Твоими глазами. В смирительной рубашке! Ты смотришь на меня и боишься, что я сошел с ума!

— Так, братишка. Остынь! Это несложно предугадать. Любой так будет думать… — начал было Зарецкий, но Олег его перебил:

— Ты вспомнил, как в твой первый заход в армию одного из “духов” с погонялом… Скунс увозили на скорой, когда он начал видеть ангелов! — произнес Сотников.

— Что за… — только и смог выдавить из себя Зарецкий. Скунса он помнил хорошо, и действительно, именно этот бедняга только что взбрел ему в голову.

— Я ж говорила, — пискнула Вернель из-под мышки Артема.

Наступила тишина. Нарушать ее никто не хотел.

Олег тряс головой. Он сосредоточился на том, чтобы не слышать, но тщетно. Мысли в виде слов, образов, эмоций и даже каких-то цветовых пятен атаковали, лишая возможности понимать самого себя.

— Знаешь, братишка. Похоже, в нашей компании больше нет ни одного нормального. Сонара, Кир и ты, крокозябра, — сказал Зарецкий. — Ну давайте подумаем все вместе, что это значит.

Он подвел Вернель к мягкому кожаному дивану, а сам расположился в своем любимом кресле.

— Ну и давно это с тобой? — с видом доброго психиатра обратился он к Сотникову, сложив ладони домиком. “Пациент” достал сигарету, прикурил и протянул:

— Шумы в голове начались где-то с неделю после исчезновения Лены. Первую оформленную мысль я услышал вчера в “Лабиринте” — у врача. А сейчас, сейчас я слышу, как в твоей голове стремительно меняются версии, а Тина поет про кузнечика. Хватит!!! — взревел Олег, глядя на женщину. — Я и так знаю, что ты меня хочешь. Кузнечик не помогает скрыть тот факт, что тебя ко мне тянет. Это сводит с ума. Как это отключить?

После этих слов кабинет вновь поглотила тишина, которую нарушил совершенно невероятный звук: всхлип Вернель. Никто никогда не слышал и не видел чего-то подобного от этой стойкой особы. Тина в эмоциях — это Тина со стаканом виски или бокалом коктейля, но не размазывающая сопли женщина. Это — нонсенс! Взволнованность Вернель шокировала мужчин чуть ли не больше, чем неожиданная суперсила Сотникова.

Ни Артем, ни Олег не знали причин такой яркой реакции их подруги. Она давно научилась скрывать свои эмоции, а тот факт, что кто-то залез в ее голову, стал очередным нарушением ее границ, сродни надругательству над ее телом, произошедшим с ней много лет назад. Именно это воспоминание промелькнуло в ее голове. Женщина почувствовала отвращение, а затем и панику, поняв, что транслирует это в голову Олега.

— Че-ерт! — простонал Сотников, запуская пальцы в свои порядком отросшие каштановые волосы. — Я — урод! Прости, Тина! Это ужасно!

— Да что ты такое!? — закричала женщина и вскочила со своего места. Артем встал, обнял ее и произнес:

— Солнышко, не реви! Я тоже его немного хочу, эти мысли он просто боится озвучить, — по инерции пошутил Артем.

— Он все видит, все! Это ужасно! — рыдала Тина. Олег больше не комментировал, а Зарецкий вдруг спросил:

— Тин, а как вы, сонары, свою притягательность тушите? Вы же ее способны контролировать?

— Конечно! — всхлипнула женщина где-то в районе груди Артема. — Дело привычки. Но… — женщина отстранилась и отвернулась от мужчин. Она явно колебалась, прежде чем продолжить, но какая разница, если Олег уже все услышал в ее голове, — если не получается разумом, тогда есть химия.

— Хм-м, я никогда этим не интересовался, — протянул Артем, наблюдая, как Тина села в кресло и приводит в порядок свое лицо, глядя в маленькое зеркальце, которое она выудила из недр своей брендовой сумочки. — Выкладывай, может, Олегу поможет.

Сотников поднял больные, налившиеся красным глаза с надеждой.

— Дзен? Что за название? — недоуменно спросил он, а Зарецкий рыкнул:

— А давай она вслух скажет, я мысли не читаю! Тиночка, солнышко, озвучь!

— Это, так сказать, народное название. Вещество работает как успокоительное для сонар. Глушит наши всплески. В России не производят — завозят из-за бугра. Дорого! Почти не достать, но у меня есть связи, — Тина говорила, а Сотников сходил с ума, так как слышал это раньше, чем открывался ее рот. Тем временем женщина порылась в сумочке и достала маленький блестящий цилиндр с выгравированным на нем логотипом “Sotar - G”.

— Немецкие сотаровцы творят, — с интересом взял руки и разглядывал цилиндр Зарецкий. — Почему я об этом не слышал ранее? — нахмурился Артем, а Тина пожала плечами.

— Может, потому что тебе свои способности блокировать не надо: ходи, греми мускулами, везде успевай, а сонары с юности огребают из-за своих качеств. Я слышала в Европе хотят дзен запустить в широкое производство, применять как профилактику срывов для начинающих сонар. Мне кажется, это гуманно.

— Как его применять? Пить? — с надеждой спросил Сотников.

— Погоди, Вещий, может это тебе не поможет, а всего лишь импотентом сделает! — спрятал в кулаке цилиндр Зарецкий.

— Мне говорили, что дзен на магии кого-то из высших замешивают. Это не фарма как таковая, это какая-то субстанция, что удерживает силу… — неуверенно сказала Вернель, не обращая внимания на скептически поднятые брови Артема. — Нужно смешать с кровью. Девочки делают надрез на пальце, потом капля, и наступает энергетическая тишина. Примерно на неделю. У всех по-разному.

Олег дернул на себя один из ящиков стола и вытащил нож для бумаги.

— Эй, Вещий, это как-то слишком радикаль… — не успел договорить Зарецкий, когда Сотников полоснул себя по ладони. Вернель вскрикнула, а Олег посмотрел на Артема, который, вздохнув, протянул ему цилиндр.

— Там кнопка… — начала было женщина, но Сотников отрезал:

— Я слышал! Ты уже успела об этом подумать…

Он сдавил цилиндр, из которого появилась прозрачная капля. Стряхнув ее на порез, мужчина откинулся на спинку своего офисного кресла и закрыл глаза как наркоман, получивший дозу.

— Как хорошо! Тишина! Теперь неделю я не буду слышать ваш бред? — с надеждой уточнил Олег, а Вернель подала плечами.

— Я в душе… не в курсе. Но учти, в этом цилиндре еще две капли. Больше у меня нет.

— Кто поставщик? Я готов купить.

— Один из сверхов. Я знаю только электронный адрес этого кира. Но у него не всегда есть. Нужно узнавать, когда он получит партию.

— Так узнай! — резанул голосом Олег, а потому уже мягче добавил:

— Свяжи меня с этим… сверхом. Никак не могу привыкнуть к вашему обозначению, ребятки, — Олег уже более осмысленно и уверенно смотрел на друзей. — Мне нужно много дзена, а то меня реально с катушек сорвет.

— Знаешь, Вещий. Но ведь это очень полезное качество! Ты теперь вполне способен оправдать свое погоняло, — с проснувшимся энтузиазмом сказал Зарецкий. — Ты теперь по факту круче любого сверха… Ну кроме асайи, само собой.

— Да… наверное, но для начала мне нужно научиться это контролировать, — протянул Сотников.

— Ребят! Я вот все жду-жду и не понимаю. Никто из вас специально не задает главный вопрос? За каким хреном у Олега появилась эта способность? Мы же все с вами знаем, что свой кусок магического пирога мужчина получает, только став высшим. То есть, когда его асайя родит. Родить у Безымянной никак не получилось бы: от нас она сбегала явно не на сносях…

10

— По сути, это жесть. Этот скот убил мою сестру, а ты спасаешь его дочь, — ворчала Кристина, глядя, как я собираюсь в больницу. — Тебя там могут увидеть. Думаешь, Сотников туда не явится? Как ты объяснила врачу свое странное желание быть рядом?

Я собиралась, стараясь выглядеть максимально непохожей на саму себя на случай, если Олег с Артемом и правда меня заметят. Ничего такого, но яркий макияж и непривычный стиль одежды должны были хоть как-то меня изменить. Я купила себе джинсы свободного кроя, сидевшие на мне мешком. Кажется они так и назывались: багги-джинс. К ним — короткий топ, кофту оверсайз, рюкзак. Добавить мою анимешно-лохматую укладку и вот, моя хакерша восхищенно прижимает руки к груди:

— Да ты как чертов подросток, сбежавший из дома! Выглядишь при всей своей боевой раскраске лет на пятнадцать. Если твой врач к тебе полезет, я буду считать его педофилом.

— Прекрати! — вздохнула я. — Но ты права, похоже его типаж — нимфетки, я видела как он смотрит на таких. Думаю, с женами он разводился, когда они визуально взрослели. Впрочем, не важно. Главная его задача — вылечить Ксению. А моя — понять, как работает дар.

— Я вот чего в толк не возьму. Если ты "увидела", то есть, приняла человека, то это навечно? Ну, допустим, ты поверила, что твой Литвинов — хороший человек, а потом поняла, что он урод… Тогда отмена? Как это работает? — проявила любопытство моя хакерша, глядя, как я шнурую огромные бутсы-милитари, завершающие образ юной бунтарки.

— Я не знаю точно, но, похоже, “вижу” я один раз: что-то откликнулось и вуаля. И ведь не факт, что это что-то — про добро в глобальном смысле. А дальше… Ну я же не обязана быть музой на каждый случай. Человека приняла, а поддерживаю его не во всем. Пока это просто предположения. Знать бы еще, как мне влиять… Так, все. Я пошла. Будем на связи!

— Ну… Удачи, что ли! — смирившись с неизбежным, махнула рукой Кристина. Она стала на удивление покладистой, бурча что-то, но не протестуя моей попытке спасти Сотникову. Для себя я это поняла следующим образом: если получится с Ксенией, можно провернуть подобное и с ней.

Я напросилась у Литвинова на экскурсию в “Сотар Хоспитал”, использовав все свое очарование. Мужчина не особо сопротивлялся. Как оказалось, прием “ну пожалуйста-пожалуйста-пожалуйста” вместе с детскими оленьими глазками действует на него безотказно. Кроме того, ему польстил мой интерес к его работе. Договорились, что приедем мы в клинику вместе, я подожду в кабинете, пока он проведет первую процедуру с Ксюшей, а потом покажет мне все самое интересное. После мы планировали ехать отдыхать: мужчина обещал начать уроки езды на мотоцикле.

Я перестраховывалась. Скорее всего, моё присутствие в больнице вовсе не требовалось. Если я приносила удачу своему бывшему мужу, то точно без присутствия на сделках и совещаниях, а это значит, что от меня как асайи, важен сам факт намерения.

За Диму в свое время я переживала. Помню, как перед уходом на работу муж периодически сообщал, как бы невзначай, что в такое-то время они будут вести переговоры или подписывать контракт. Сейчас я совсем иначе смотрю на это — Ройс выжимал из меня удачу, настраивая меня волноваться за него в конкретные временные промежутки. А тогда я просто знала, что ему нужна моя поддержка и болела за него всей душой.

И вот наступил мой осознанный дебют в роли волшебной музы. Совершенно не владея технологией, я пыталась хоть как-то усилить свое воздействие. Поэтому решила, что близость к объектам моей магии поможет использовать её на полную мощность. Я буду рядом с Максимом, когда он будет лечить Ксению — это позволит увеличить шансы на счастливый исход.

Встреча с Литвиновым оказалась ожидаемо эмоциональной. Когда я спустилась и Максим увидел мой облик, кадык мужчины нервно дернулся.

— Женечка, ты сегодня выглядишь совсем как девочка! — произнес он, открывая мне дверь и придерживая за талию.

— Это хорошо? — с легким флиртом приподняла я ярко прорисованную бровь.

— Это… мне нравится, я… вообще от тебя балдею, — в несвойственной для себя откровенно-развязной манере ответил мужчина. Я не стала отвечать. Но поняла, что эскулап поплыл, а я вдруг ощутила свою над ним власть.

Сегодня мужчина был не на мотоцикле, а за рулем полноразмерного японского пикапа, в кузове которого стоял его байк. К клинике мы подъехали примерно через час. На стоянке я с опаской крутила головой, боясь наткнуться на Сотникова или еще кого-нибудь знакомого. Однако мы прибыли рано — за час до процедуры, так что у меня была возможность осмотреться и вовремя скрыться от возможных встреч.

Раздевшись в своем кабинете, Максим повел меня на экскурсию. Много показать он не успевал — основную часть клиники врач планировал продемонстрировать после манипуляций над дочерью Сотникова, но уже сейчас не мог сидеть на месте и потащил меня на прогулку в стремлении сбить нервозность.

В этот раз Литвинов был очень активен: делал комплименты и как никогда стремился ко мне прикоснуться — мужчина был возбужден. Я это списывала не только на мою девичью красоту, но и на нервы: он жутко боялся предстоящих событий — в частности, смерти Ксении. Будучи нейрохирургом, он на своих операциях еще ни разу никого не убил, при этом многих поставил на ноги — его не зря называли талантливым. А тут такое. Потенциальная смерть пациентки от инъекций, назначенных им, казалась ему и насмешкой, и самым страшным испытанием. Скальпелем только спасал, а иглой — убьёт.

Погуляв и даже попив чай в больничном кафетерии, по пафосности оформления и ценам вполне тянувшим на очень дорогое столичное кафе, мы вернулись в кабинет.

— Женечка, я побегу в палату к Ксении. Туда сейчас прибудет ее отец. Мы будем делать первые инъекции. В лучшем случае девочка останется стабильной, и я вернусь примерно через час, в худшем… И думать не хочу. Подожди меня здесь, я верю, что вернусь довольно скоро.

— Конечно, Максим, — заверила я. — У тебя все получится, не переживай. Моя интуиция буквально вопит об этом.

Как только мужчина ушел, я тихонько покинула кабинет и направилась в сторону нужной мне палаты. Предварительно я натянула на себя халат и маску, которых в кабинете Литвинова оказалось с запасом. На врача и даже на медсестру я не тянула, но уже и не так выделялась внешне, получив шанс стать незаметной для посетителей клиники.

Когда я подошла к палате, то осознала, что понятия не имею, как действовать дальше. На что я, собственно рассчитывала? *Конечно, на удачу*! Адреналин и авантюрный дух заполнили мою кровь и все существо. Я была возбуждена, и похоже, мне почти нравилось то, что я делаю.

Оглянулась, убедившись, что вокруг никого, после чего решилась приоткрыть дверь чтобы заглянуть внутрь, однако мне помешали: в коридоре раздались голоса. Я услышала тот, который вряд ли смогу с кем-то спутать. Сотников!

— Максим Федорович, вам необязательно было лично встречать нас, — говорил Олег. — Я прекрасно помню, где находится палата дочери.

Они идут сюда! Не особо размышляя о последствиях, я влетела в палату. На мое счастье, кроме одиноко лежащей на кровати девочки там никого не было. Мне нужно было срочно отыскать место чтобы спрятаться. Не будь эта клиника платной, вряд ли я получила бы эту возможность. Не припомню, чтобы в больничных палатах были укрытия. Но в этой я обнаружила встроенный в стену шкаф с несколькими отделениями. Он был предназначен для одежды, но сейчас пуст. Открыв одну из створок, я уместилась в узкий короб для верхней одежды, сняв

предварительно поперечную штангу. Едва успела прикрыть дверцу, что оказалось непросто: с ее обратной стороны не было за что ухватиться, как в палату вошли мужчины.

Я видела их, всех троих, так как створку плотно не закрыла — оставалась узкая щель. Обзор был отличный, так как шкаф находился прямо напротив кровати. Что ж, в таких условиях оставалось только молиться, чтобы никто ко мне не заглянул.

На секунду представила лица мужчин, если они откроют дверцу шкафа. Вменяемо объяснить свое присутствие я не смогла бы никак и никому. Шок накрыл бы всех: Олега, Максима и Артема — да, Зарецкий пришел вместе с Сотниковым. Он его тень, не иначе.

Артем совсем не изменился. С видом насмешливого циника-балагура, но при этом с хорошо скрываемым напряжением он стоял чуть в стороне и виделся мне самой главной опасностью. Именно его зоркий взгляд, не поглощенный наблюдением за Ксюшей, мог меня заметить. Не удержавшись, я все же на секунду пофантазировала, что скажу, обнаружь меня сейчас эта троица. “Птицу счастья вызывали? Кар-кар!” Взяв себя в руки и отогнав неуместные образы, я все же сосредоточилась на происходящем.

Все присутствующие были в халатах. Литвинов заметно нервничал, но держался неплохо. Он заставил мужчин отойти подальше и вызвал медсестру.

— Олег Андреевич! Курс медикаментозного лечения предполагает семь инъекций один раз в сутки. Вы подписали документ и проинформированы, что на любой стадии может произойти все что угодно. Основная опасность — это резкое повышение внутричерепного давления вплоть до летального исхода. Я вызвал реанимационную бригаду, они будут дежурить на этаже всю неделю. Аппаратура также наготове. Все датчики выведены на пост медсестры. Мы готовы к любым неожиданностям, но вы должны понимать…

— Я понял, — бросил Олег и подошел к кровати дочери. Он дотронулся до ксюшиной ручки, лежавшей поверх одеяла. Прощается? Просит прощения? Я прилипла взглядом к мужчине, потянулась к нему всем существом. Казалось, я чувствую запах его парфюма и слышу стук его сердца. *Мой! Не отдам!* Эта мысль прошила неожиданно, а Сотников вдруг вздрогнул. Он стоял достаточно близко, чтобы я могла уловить на его лице любую эмоцию. Холеный, холодный и напряженный, мужчина выпрямился и огляделся.

— Олег? С тобой все?.. — заметив нервозность шефа, подошел к нему Зарецкий. Двухметровая гора невозмутимости и иронии. Мутант. И тем не менее, от его вида меня по привычке накрыло ощущением защищенности и комфорта. Да что ж такое? Почему я все это переживаю вновь и вновь? Все неправильно!

А, может, так и должно быть? Может, зря ты бежала? Может, стоит позволить неправильности быть?

В душе появилось интуитивное ощущение, что сделать правильно уже не получится, сколько ни пытайся, а потому неправильное нужно принимать за реальное. И чем скорее, тем лучше.

Прилипнув взглядом к мужчинам, я незаметно для себя опять перешла к своему суперзрению. Серая масса ауры Артема в солнечной яркости палаты казалась пугающим инородным элементом. Напряглась, чтобы перефокусироваться, но не успела, мазнув взглядом по Сотникову и ощутила, как почву вышибает из-под ног. *Твою мать! Нет! Не может быть!*

Олег больше не был нормальным. Сейчас я абсолютно отчетливо видела золотистую ауру вокруг его фигуры. Не такую плотную, как у меня и остальных мутантов, но она совершенно точно была!

На всякий случай, я даже проверила себя, посмотрев на медсестру, Максима и Ксюшу. Нет, это не ошибка. Никаких аномалий я у них не разглядела, так что сбоя в моем зрении не наблюдалось.

Вернулась взглядом к Сотникову и тяжело вздохнула. Всё страньше и страньше! Всё чудесатее и чудесатее! Всё любопытственнее и любопытственнее!

А тем временем все присутствующие сосредоточились на манипуляциях, которые предпринимала медсестра. Лекарство в шприц набрал лично Литвинов, смешав жидкости из нескольких ампул, но внутривенный укол делала женщина. Я забыла про мутантов и свои страдания, обратившись взором, мыслями и молитвами к тому, за чем наблюдала.

Вот игла вошла под кожу нежной детской ручки. Медсестра нажала на поршень шприца, медленно вводя голубоватую жидкость. Вот игла выдернута, и к месту укола прижат тампон. Все замерли и ждут, словно что-то должно случиться.

Пусть у Максима Литвинова получится вылечить Ксению Сотникову! У этого врача должно получиться!

В это время Литвинов подошел к девочке, проверяя ее реакции.

— Пока все стабильно! — со вздохом облегчения произнес Максим, снимая охватившее всех присутствующих напряжение.

*Ну же! Давай! Открой глаза!*Я чувствовала себя шарлатаном, способным заряжать воду через экраны телевизоров, но продолжала требовать у вселенной чуда.

— Что за!.. — воскликнул Олег. Он опять вскочил и начал оглядываться. — В этой палате есть кто-то еще? — воскликнул мужчина, а Зарецкий подошел и положил ему руку на плечо.

— Олег, что?

— Олег Андреевич! Вы просто перенервничали! Можете идти! За Ксенией проследят. Завтра в это же время вы сможете прийти сюда. Все будет хорошо! — Литвинов успокаивал Сотникова, а я наблюдала за Ксюшей. В какой-то момент мне показалось, что она шевельнула рукой. Мое сердце пропустило несколько ударов. Я забыла как дышать и еле подавила в себе желание выскочить из шкафа или, как минимум, закричать этим остолопам, чтобы они глянули на девочку.

Впрочем, она и сама смогла привлечь к себе внимание.

— Папа?! — сказала девочка, еле слышно…

11

Голос Ксюши был очень слаб и едва слышен, однако всем присутствующим показался раскатом грома. Олег, не веря своим глазам, уставился на дочь, а затем упал на колени возле ее кровати и схватил девочку за ручку.

— Олег Андреевич, прошу вас, аккуратно, — опомнился Литвинов. Он тоже подскочил к Ксюше, глядя то на приборы, то на ее полуоткрытые глаза. — Она очень слаба!

Тем временем девочка, вновь сомкнула веки, вызвав у Сотникова приступ паники.

— Что? Она опять? — закричал он, а врач отрицательно покачал головой.

— Она спит… всего лишь спит. Тихо! Это чудо! Вы понимаете! Чудо!

— Чудо, говорите? — задумчиво протянул Зарецкий. Он стоял поодаль, прислонившись к стене плечом и оценивая ситуацию.

— Шанс на успех после семи инъекций был мизе

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, купив полную легальную версию на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.